

Лена Тога
спустя годы, судьба
свела нас вновь
Вера Шторин

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ЭМИЛЬ

Мне тебя
не вернуть

18+

Вера Штурм
Лена Голд
Эмиль. Мне тебя не вернуть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72685879

SelfPub; 2025

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

– Я беременна! – крикнула предательница. – Ты не можешь меня бросить!

– Делай аборт. Или пусть твой любовник о вас заботится, – сказал в ответ и свалил к чертям собачьим».

А спустя несколько лет я встретил свою копию.

– Дядя, а как вас зовут? – спрашивает девчонка, внимательно всматриваясь в мои глаза. Будто знает меня, но не может вспомнить, кто я такой.

– Эмиль.

– Да? – почему-то удивляется она. – Мама говорила, что это ее любимое имя. И поэтому назвала меня Эмилией. Вон, она приехала, – тычет маленьким пальчиком в сторону, где стоит

седан, и из салона выходит женщина из моего прошлого, которую мне не вернуть.

Первая часть – "Эмиль. Забудь меня".

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	70
Глава 12	79
Глава 13	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Лена Голд, Вера Штурм Эмиль. Мне тебя не вернуть

Глава 1

– Работу я могу найти и в другой компании, папа. Так что не надо мне тут лекции читать. Не прокатит.

– С такой репутацией, моя дорогая доченька, никто тебя не возьмет ни в одно нормальное место. Тебе лишь следует пойти к новому хозяину этого здания и попросить его, чтобы оставил тебя. Такого работника, как ты, ищут везде.

Закатываю глаза, решаю не отвечать отцу, но он не замолкает. Действует мне на нервы в который раз.

То, что наша компания обанкротилась, ожидаемо. Глеб давно чешется – и вот, добился своего. Наконец нашелся человек, который расправился с ним по полной программе. Надеюсь, мой «любимый» муж теперь не станет вести себя как пуп земли. Теперь он – никто. Пустое место для всех своих коллег. В последнее время его и без того никто не принимал за человека, потому что он вел себя слишком самодовольно и очень любил повыпендриваться. Вот и опустился на землю. Буду свечки в церкви ставить за здоровье того мужчины,

который приобрел эту компанию. Дай бог, чтобы он жил лет сто, не меньше.

– Арина, ты меня слышишь? – не сдается отец. – Я ухожу, а ты прямиком на верхний этаж.

– Папа, прекрати! – не выдерживаю я и повышаю голос. – Восемь лет назад ты уже испортил мне жизнь, заставив выйти замуж за этого психопата. Сам. Собственной персоной. Отдал меня этому ненормальному! Видел, несколько раз стал свидетелем наших ссор. Я не разводилась с ним лишь из-за того, чтобы он не поступил со мной точно так же, как тогда вы поступили с Эмилем! Чтобы вы с помощью своих денег не отняли у меня мою дочь! Но теперь, слава Богу, – я поднимаю руки вверх в молитвенном жесте. – У вас денег нет. И ни черта вы со мной и моей дочерью не сделаете.

– И ты рада такому раскладу?

– Конечно же, рада! Ты что, папуль! Я так мечтала избавиться от Глеба. Так мечтала избавиться от наездов родного отца. Слава тебе, Господи. Раньше бы ты так с ними... Чтобы я не убивала себя целых восемь лет из-за этих...

Концовку я не договариваю. Даже представить себе не могла, что когда-то возненавижу единственного мне родного человека после дочери – папу. Но это, увы, случилось еще тогда, несколько лет назад, когда Эмиль окончательно исчез из моей жизни, но оставил мне подарочек.

Правда, я долго ездила по больницам, чтобы убедиться, что мой малыш жив и здоров. Когда баба Глеба на эмоци-

ях рассказала мне, как уколола мне в шею какую-то гадость. Она думала, что я в тот день сбегу со своей свадьбы. Однако дамочка понятия не имела, каких усилий мне стоило до конца торжества оставаться рядом с Глебом.

Я его ненавижу. Всегда ненавидела. Вплоть до сегодняшнего дня. Но теперь не только я не перевариваю его, но и моя дочь.

– Неблагодарная ты дрянь, Арина, – заходит в кабинет муж и сразу же обращается к моему отцу: – Оставьте нас наедине, будьте добры.

Папа молча выходит из помещения и при этом не забывает мне жестом указать, чтобы я молчала. Ага. Мечтать не вредно.

– Я хочу развестись с тобой, Глеб, – выдаю ему прямо в лицо. – Как можно скорее. Теперь тебе нечем меня пугать. Да и не боюсь я тебя. Достаточно твоих выходов.

Я терпеливо собираю свои вещи в небольшую коробочку. Трудилась тут долгих семь лет. Но пора уже уходить и найти себе новую работу. Забыть все, что было связано с этим местом. Все хорошее, а также плохое.

– Хрена с два, Арина. Никакого развода не будет. Ты уже увидела нового владельца и решила на его шею броситься? – чеканит он, приближаясь ко мне вплотную.

– Нет, Глеб, еще не видела. Да и желания нет. Лучше поеду домой к дочери, чем буду заниматься пустяками. Тут я оставаться не хочу от слова совсем. Уничтожу все, что о тебе

напоминает.

– Думаешь, я тебе верю? – сжимает мой подбородок пальцами, заставляет поднять голову. – Ты успела к нему подлизаться. Поэтому так себе ведешь?

– Как я себя веду, мой дорогой муженек? Напомню тебе, что я не привыкла врать. Ненавижу это дело. Не путай меня с собой, Глеб. Я его еще не видела и без понятия вообще, кто он такой. Так, стоп, – вдруг хмурюсь я. – Почему ты так против, чтобы я к нему пошла? Ты же буквально вчера говорил, что я должна... Нет, обязана сделать все, чтобы остаться тут. Что же теперь изменилось?

– Ничего, – отпускает меня и делает шаг назад.

Господи, да он даже взгляд отводит.

– Ты уверен?

– Собирай свое барахло и поезжай домой, Арина, – жестко чеканит он.

Нет, мой муж явно что-то скрывает. Мне так нравится его подавленный вид. Улыбку не получается скрыть.

– Ну уж нет, любимый, – кривлюсь, когда произношу последнее слово. – Я хочу увидеть нового владельца этой компании и познакомиться с ним. Уж больно любопытно стало, почему ты так побледнел. Хотя бы скажи, он красивый? Молодой? Надеюсь, не старик...

– Арина! – рывкает так, что я вздрагиваю. Один широкий шаг – и Глеб оказывается рядом, сжав мою шею, прижимает к стене спиной. Воздух испаряется, становится нечем ды-

шать, потому что он перекрыл доступ к кислороду. – Ты сейчас же проваливаешь домой и ждешь меня. Поняла? Ты. Меня. Поняла?

– Нет! – врезаю я пощечину. Глеб отшатывается от неожиданности, отпускает меня. – Иди к черту, Глеб! Ко всем чертям! Сукин сын!

Забираю свой телефон со стола и бегу к лифту. Салтыков следует за мной. На благо, створки закрываются вовремя – и он не успевает зайти.

Застываю у кабинета нового начальника. Какой-то знакомый запах ударяет в нос. Коротко стучу в дверь и, услышав грубое «да», захожу в помещение.

Мужчина. Высокий, спортивного телосложения. В черном костюме. Стоит ко мне спиной, разговаривает по телефону.

– Простите, я... – почти шепчу и подмечаю, как новый босс замирает.

– Я перезвоню, – говорит и прячет мобильник в карман. Плавное поворачивается ко мне лицом.

Тук-тук... Тук-тук... Тук-тук...

Стук моего сердца настолько громкий, что явно он тоже слышит.

– Ну, здравствуй, Арина. Не рада меня видеть?

Я смеюсь. Просто смеюсь и потихоньку схожу с ума, когда встречаюсь с синими глазами.

Это он. Мужчина, который до сих пор находится в глубине моего сердца. Которого я любила, люблю и буду любить всю

оставшуюся жизнь. Мужчина, который является отцом моей дочери. И который смотрит на меня так, будто вовсе не рад видеть.

Уголки губ Эмиля приподнимаются. Я не знаю, что творится у него в голове, но он отчетливо дает понять, что мне триндец. Даже если я сейчас напишу заявление на увольнение – он меня не отпустит. Уж таким категоричным он выглядит. Ведь знаю я Бестужева прекрасно.

– Это шутка судьбы, – продолжаю смеяться я. – Теперь понятно, почему он так бесился, – веду подбородком в сторону, имея в виду Глеба.

– Он еще долго будет беситься, – строго заявляет Бестужев с нотками злости. – Ты что-то хотела сказать?

Что я хотела сказать? Да ничего. Стало любопытно увидеть нового владельца. И, честно говоря, я безумно рада, что это Эмиль. Неудивительно даже. Он всегда был умным человеком, хоть и притворялся немного тупым. Достиг он вершин явно не за чей-то счет, как это случилось с Салтыковым. Тому отец наследство огромное оставил, но Глеб все постепенно профукал.

Что же я хочу ему сейчас сказать... Лучше действительно на его шею брошусь, обниму, расцелую. Вдохну безумно любимый аромат, по которому дико соскучилась.

В глазах щиплет. А к горлу подкрадывается комок обиды. Ведь он так просто ушел когда-то... А мог бы остаться и пойти до конца. Или же забрать меня с собой. Однако Эмиль ре-

шил, что без меня ему лучше будет. Возможно, он был прав. Ведь Салтыков вместе со своим и моим отцом не оставили бы его в покое.

Не знаю. Я всю жизнь «не судьба, значит, быть нам вместе» говорила и жила дальше.

Но та самая судьба снова сталкивает нас лбами. Зачем? Чтобы вновь сблизить и опять же раскидать нас по сторонам? Чтобы сердца наши на куски разорвать? Так у меня и без того его нет. Пусто там. Эмиль вытащил несколько лет назад и с собой забрал.

– Приятно познакомиться с вами, босс, – подхожу, протягиваю руку. Эмиль ее сразу же пожимает. – Зашла просто познакомиться. Стало любопытно, почему мой муж, который так упорно настаивал, чтобы я осталась тут работать, сегодня, как бешеный бык, зашел в мой кабинет и приказал, чтобы я свалила домой. После того, как напишу заявление на увольнение, естественно. Но если вы решите, что для меня будет лучше остаться тут... То я с удовольствием останусь.

Будь я сейчас одна... Дома, например. Я бы залезла под одеяло и разревелась. Однако я стойко стою на ногах и каждое слово говорю твердым голосом. Внутри бушует ураган, хоть и я не подаю виду. Сейчас я горжусь собой.

Эмиль не отпускает мою ладонь, наоборот, гладит большим пальцем тыльную сторону. По коже бегут мурашки от его прикосновений. Но я опять же держусь, смотрю в его глаза с гордо вздернутой головой. Потому что я ничего плохого

не делала. Ни тогда, в прошлом. Ни сейчас.

– Останешься, конечно, – довольно кивает Бестужев. – Но не здесь. У меня на тебя есть более грандиозные планы.

Брови сами собой ползут вверх от удивления. Мне кажется или он действительно смотрит на меня с грустью?

– Надеюсь, у тебя в голове нет пошлых мыслей? – я хочу, чтоб он отпустил мою руку. Потому что становится слишком жарко, а внизу живота загорается огонь.

Я очень соскучилась по этому человеку. Интересно, как бы отреагировала дочка, увидев своего отца? Она каждый день спрашивает про него, я же постоянно твержу, что он в один прекрасный день вернется. Вот, случилось то, о чем мы мечтали вместе с ней много лет.

Она у меня умная девочка. И очень похожа на Эмиля. Салтыков поэтому не любит ее, а она в свою очередь – его. Просто терпеть не может Глеба.

Помнится, как Глеб просил дочку называть его отцом. А она крикнула ему в лицо, что никакой он ей не отец. Возможно, мать из меня так себе, раз я с самого детства говорила правду малышке и вбивала ей в голову, чтобы она ни в коем случае не звала Салтыкова папой. Потому что он не достоин. Слишком уж жирно ему будет. Да, эгоистка я. Но наблюдать за тем, как моя дочка называет человека, который разрушил нашу жизнь, своим отцом, выше моих сил. Я бы не пережила.

– Твой язык все такой же длинный, – замечает Бестужев.

– Уж какая есть, – пожимаю плечами. – Не нравится? Кстати, не так я себе представляла нашу первую встречу спустя годы. Думала, ты меня во всех грехах будешь обвинять.

– Буду, конечно, – этот гад и хриплый смешок издает, от которого мое сердце барабанит еще чаще. – Но не сейчас. Настроение я портить не хочу. Напишу тебе адрес, куда ты должна приехать ровно в девять, – он демонстративно поправляет часы на запястье и хмурится. – Чтобы не опаздывала, ясно тебе?

Но ответить я не успеваю. Не откажусь, нет. Какими бы ни были планы Бестужева, я соглашусь с ним работать. Хотя бы ради того, чтобы насолить Глебу и заставить его волком выть.

– Отошел от моей жены, – раздается за спиной голос моего мужа, от которого я вздрагиваю.

Но Эмиль даже не думает отпускать мою руку. Он сжимает ее до сих пор.

Глава 2

– Да что ты себе позволяешь, сукин сын гребаный?! – Салтыков орет на Эмиля, хватая меня за вторую руку и слишком резко дергает на себя. Я еле удерживаю равновесие, чуть ли не падаю.

Бестужев не сводит с меня глаз. Будто взглядом спрашивает, все ли хорошо. Я же киваю и, сделав пару шагов в сторону от Глеба, разглядываю его перекошенное от злости лицо.

И что? К чему все эти игры, к чему такое поведение? Если бы он меня любил, я бы подумала, что он делает все из ревности. Но за все годы, которые мы прожили вместе, у нас, можно сказать, не было даже месяца нормальной жизни. Я его близко к себе, естественно, не подпускала. Потому что ненавидела всем сердцем, а сейчас вообще терпеть не могу его персону рядом с собой. Тошнит. Просто блевать хочется. Да он даже с ребенком нормально общаться не умеет!

У него есть любовницы. Не одна и даже не две. Черт знает, сколько их. Меня это никогда не волновало, и было абсолютно плевать, что от него воняет женскими духами. Я всю жизнь делила кровать с дочерью.

– Думаю, мне пора, – довольно пожимаю плечами. – До встречи, босс, – бросаю перед уходом, из-за чего Глеб превращается в дикого зверя. Ведь я подтвердила его догадки,

что согласилась работать с Эмилем и что никакого заявления на увольнение уж точно не будет.

– Арина! – рывкает он.

Но я не обращаю внимания. Смотрю на наручные часы и киваю Эмилю. Мол, приду. И у меня совсем мало времени. Надо торопиться.

Я еду за дочерью. После школы Дилара должна была увезти ее к себе. Она талантливая и очень умная девушка. Несмотря на то, что работает в офисе, еще и занимается с Эмилией русским языком три раза в неделю по вечерам. А иногда и математикой. За что я ей безумно благодарна. Подруга она замечательная. На протяжении стольких лет дружбы ни разу меня не подвела. Выручает в самые тяжелые моменты моей жизни.

– Дилар, я почти приехала. Пусть Эмилия спускается вниз. Не хочу подниматься. Времени нет вообще, – говорю в трубку.

– Но ты не выглядишь недовольной, – замечает подруга. – Мне кажется, ты даже улыбаешься.

– Угу. Ты бы знала, кто стал владельцем компании Глеба. Я, конечно, его ненавижу уже... То есть того самого хозяина. Но готова сделать все, чтобы мой муж бесился, сходил с ума.

– Так, стоп, – могу поклясться, что Дилара сейчас хмурится и прижимает указательный палец к виску. – С чего это ты должна кого-то там ненавидеть? Тем более вашего нового босса? Ты где работать собираешься, моя дорогая, если с

ним отношения плохие будут? Знаешь ли, не каждый согласится брать тебя на работу после всего... Кхм... Ладно, не хочу вспоминать. Знаю, что ты вообще не в деле и во всем, естественно, виноват Глеб. Но как узнают, что ты его жена...

– Я с ним разведусь – это раз. Никуда не уйду, останусь в той же компании – это два. Владельцем стал Эмиль – это три. А еще у меня встреча с Бестужевым буквально через пару часов – и это четыре. Так что поторопи мою малышку. Я уже свернула в сторону вашего дома.

– Эмилия, дорогая, твоя мама говорит, чтобы ты оделась и спустилась к подъезду. Она тебя там ждет, – обращается Дилара к моей дочери, а потом добавляет тихо: – Ты издеваешься надо мной, Арина? Какой Эмиль? Я в это не верю. А еще больше я не верю, что ты пойдешь к тому человеку, который поверил словам Глеба и даже не стал разбираться, правда это или нет. Который просто ушел, хотя знал, что ты беременна. И в этом тоже не стал разбираться, кстати! А ведь мог предположить, что ты от него беременна. Никакой встречи, милая! Пусть сам за тобой гонится и добивается! Правда, я не думаю, что Глеб тебя отпустит. Могу поспорить, никакого развода ты от него не получишь.

Согласна со словами Дилары. Но она не все понимает. Например, что это был мой выбор. Я сама не захотела, чтобы Эмиль в чем-либо разобрался, вырвала все с корнями. Мне нужно было, чтобы он исчез, и он так и сделал. За эти несколько лет я ни разу его не видела. Глеб часто упоминал

его, дразнил меня. Мол, ушел, потому что такая легкомысленная и грязная женщина ему ни к чему. А если бы любил, остался и добивался бы меня до конца.

Все это выглядело так жалко. Потому что гадости он говорил только в том случае, когда старался пойти со мной на контакт. Когда ему что-то от меня нужно было, в том числе и секс, а я категорически отказывала и отталкивала его от себя, обзывая самыми нецензурными словами, которые только знала.

А в последнее время вообще никак не задевают слова Салтыкова. Рана не такая глубокая, какой была в прошлом. Немного зажила, хоть и до сих пор ноет, когда вспоминаю Эмиля. Правильно говорят, что время ни черта не лечит, а просто учит жить с теми шрамами на сердце.

– Дилар, я не хотела, чтобы он в тюрьму попал, – восклицаю.

– Ты всегда его защищаешь! Но это никак не повлияет на мое мнение, Арина. Восемь лет его не было! И думал он за все эти годы про тебя не самые хорошие вещи. Не лучше бы было, чтобы он остался за решеткой и ты ждала бы его все это время? Зато он гордился бы тобой и восхищался. Но ты выбрала иной путь! Решила, что гнить с Глебом будет куда лучше. Блин, я такая злая сейчас! – доносится глубокий вздох подруги.

– Если бы он сидел в тюрьме, то не стал бы тем, кем является сейчас. Знаешь ли, а вляпался он во все то дерьмо из-

за меня, напомню тебе. Ладно, – потираю виски и выхожу из машины. – Дочка пришла. Потом с тобой поговорим, хорошо?

– Ну да, ну да. Арина, не делай глупостей. Да, я знаю, что ты хранила ему верность все эти годы, – смеется она. – Извини, это из-за нервов. Я просто не умею быть такой спокойной, как ты. Я вообще не могу быть как ты. Убьешь меня, подруга, своим характером. Главное, держись перед своим Эмилем стойко и не давай себя в обиду. Показывай зубки, как показываешь Глебу.

– Договорились, – отключив звонок, я обнимаю дочку. – Ну как ты, малыш?

– Замечательно, мам. У тебя хорошие новости? Глаза сверкают, – поцеловав меня в обе щеки, Эмилия ждет от меня ответа.

– Угу. Мы сейчас с тобой кое-куда поедем.

– Мне уже любопытно.

А едем мы в ту самую квартиру, которую оставил мне Эмиль. После расставания с ним я часто сюда приходила, ночевала. Даже в тот день, когда вышла замуж за Глеба, ночью приехала и больше месяца находилась тут. Мне было противно от самой себя, когда заходила в дом Глеба. Хотела исчезнуть куда угодно, но не жить в том гребаном особняке, где пахло Салтыковым. Где я задыхалась и откуда хотела испариться, исчезнуть, как сам Эмиль, да только не видеть ни своего мужа, ни его отца. Не говорю уж о своем родном па-

паше. С которым я давно обращаюсь как с чужим для меня человеком.

– А мне тут нравится, – улыбается дочь, когда я торможу у подъезда. – Тут намного лучше, чем у него...

У него – это у Глеба. Эмилия вообще к нему не обращается. Что бы там ни случилось. Лучше задохнется, чем на помощь Салтыкова позовет.

– Хочешь, ночью приедем сюда и останемся тут навсегда? Мы заходим в лифт. Дочка молчит некоторое время, всматриваясь в мое лицо задумчивым взглядом.

– А он отпустит? Дом перевернет вверх дном, – отвечает уже в квартире.

Ей почти восемь лет, но ведет себя, будто намного старше. И вообще размышляет как взрослый человек. Эмилия мне как самая близкая подруга, а еще самая родная, самая любимая малышка, ради которой я душу дьяволу продам, лишь бы с ней никогда ничего не случилось.

– Скоро избавимся от Глеба, не волнуйся.

Услышав имя Салтыкова, Эмилия морщится, словно от зубной боли.

– Мам, а это кто? – дочь замечает рамку на тумбочке. Фотография, где изображены мы с Эмилем. Благо, не в обнимку. Я сделала ее, когда мы после длинного рабочего дня сидели на диване и смотрели фильм.

– Скоро и с ним познакомишься, – обещаю малышке.

– У тебя телефон звонит, – говорит дочка и тянется к мо-

ей сумочке, лежащей на столе. Взяв мобильник, протягивает мне. Номер незнакомый.

– Алло, – отвечаю, хоть и постоянно игнорирую такие звонки.

– Адрес я тебе уже послал. А времени у тебя осталось еще меньше. В девять, напоминаю.

Я усмехаюсь и решаю не отвечать ему. Отключаю звонок и читаю сообщение.

– Малыш, – зову я дочь.

– Да, мамуль, – отвлекается она от фотографии.

– Мы сейчас поедem в особняк. Ты поешь и пойдешь в нашу комнату. Но дверь закрой на замок, чтобы в случае, если Глеб поднимется к тебе, не смог зайти. А то допрос устроит и будет расспрашивать, куда я уехала. Сложишь некоторые свои вещи в сумочку...

– Мы серьезно приедem сюда? – перебивает дочь радостным голосом. – Да я обязательно все вещи в сумочку соберу и буду с удовольствием ждать тебя. Люблю тебя, мамуль! Ну наконец-то! Наконец-то у нас будет свой дом. Без него!

Глава 3

Глеб – настоящий гад, и это не новость для нас с дочерью. Любит он орать, приказывать, качать свои права. Однако на Эмилию руку он не поднимал никогда, чего не скажу про себя.

Спорим мы с ним почти каждый прожитый вместе под одной крышей день. Или на работе, куда я идти вынуждена ради дочери. Чтобы обеспечить ее и не отказывать ни в чем. Благо, дочь у меня умная и всегда была довольна тем, что я для нее покупала. Она редко что-то просит, потому что знает: зарплата у мамы неплохая, но не настолько, чтобы хотеть все на свете. У Глеба я никогда не брала денег, а у своего отца тем более.

Дома мы пересекались с Салтыковым и опять же ссорились даже по пустякам. Терпеть его не могу. Больше всего – когда он пьян. Именно в такие времена он пристаёт и требует от меня близости. Мол, я не жена, а всего лишь содержанка. Интересное заявление, однако. Почему он так говорит – огромная для меня загадка.

Да ну его, этого Глеба. Он, будучи еще трезвым, не ведет себя адекватно. Чего же ждать от человека, у которого голова ватной становится и который почти ничего не соображает? Ничего хорошего.

– Ну что, малыш, я могу ехать?

– Конечно. Не переживай за меня, – Эмилия улыбается настолько широко, что не могу сдержать улыбку. Притягиваю дочку к себе и крепко ее обнимаю. – Слушай, мамуль, у тебя такое хорошее настроение, что я не могу не радоваться. Он всегда тебя злит и на твоих нервах играет. Но сегодня ведь что-то случилось, верно? Ты поэтому такая счастливая?

– Случилось, – подтверждаю слова Эмилии, все так же улыбаясь. – Обещаю, что все очень скоро тебе расскажу, но сейчас мне нужно бежать. Иначе опоздаю – и тогда мне а-та-та сделают.

– Хорошо, мамуль, – кивает дочь, отстраняясь.

– Люблю тебя, малыш, – чмокнув дочку в щеку, я выхожу из комнаты. Но останавливаюсь у двери, чтобы убедиться, что Эмилия меня услышала.

Щелчок – и, конечно же, она все сделала так, как я просила. Быстро спускаюсь по лестнице и бегу к своей машине. Нужно сваливать, пока Глеб не приехал. В комнату Эмилии он вряд ли зайдет, если дверь не поддастся. Ведь на замок ее закрывает лишь дочка, и Салтыков это прекрасно знает. Не станет лезть к Эмилии. Да даже если устроит ей допрос, все равно моя малышка ему ни слова не скажет. Сядет напротив, будет смотреть в глаза Глеба не моргая, но при этом рта не откроет. Такая вот упрямая и бойкая у меня дочка. Я ею горжусь.

Навигатор показывает, что я доехала до назначенного адреса. Беру телефон и уже набираю номер Бестужева, как

огромные высокие ворота распахиваются, будто приглашая меня заехать во двор. Что я и делаю в следующий момент, равнодушно пожимая плечами.

Не буду я думать о прошлом. Просто поведу себя так, словно между нами никогда ничего не было. Чисто рабочая встреча, пусть и место для этой самой встречи выбрал Эмиль не самое подходящее. Но мне здесь больше нравится. Чем дальше мы от лишних глаз, тем лучше.

Эмиль стоит у двери огромного дома, сложив руки на груди и прислонившись к стене спиной. Наблюдает за мной. Я же выхожу из машины и иду к нему ровной походкой.

Спокойно, Арина. Это всего лишь Эмиль. Твой Эмиль, которого ты не видела целых восемь лет. Не нужно нервничать. Все будет замечательно.

Да только все эти слова – пустое место. Успокаивать себя я не умею. Вообще никак. Сердце все равно колотится в груди, а руки леденеют.

– Надеюсь, не заставила тебя долго ждать, – говорю с улыбкой, как только оказываюсь напротив Бестужева.

– Опоздала на пятнадцать минут. Но у меня хорошее настроение, и ворчать я точно не стану.

– Замечательно. Ненавижу ворчливых мужчин. Но заранее прошу прощения. Я очень старалась приехать вовремя, но что-то пошло не так.

– Муж не отпускал? – спрашивает, делая шаг ко мне. – Заходи, – ведет подбородком в сторону двери. – Холодна-

то немного. Простудишься еще.

Я усмехаюсь его словам. Но в дом захожу, не задумываясь. Потому что действительно холодно, а я пальто в машине оставила.

– Неплохо ты устроился, – замечаю, оглядываясь. – Я, конечно, не сомневалась, что ты достигнешь высот, но неожиданно так... Находиться в твоём доме... Спустила столько лет... Представления у меня были другие насчёт нашей первой встречи через время.

– Что-то тебя удивляет, и мне очень интересно, что именно, – слышится совсем у уха, и я довольно резко оборачиваюсь. Мое лицо оказывается в нескольких сантиметрах от лица Эмиля. – А ты совсем не изменилась. Все такая же, с острым языком. Прямолинейная, без тормозов.

– Уж какая есть, – говорю сиплым шепотом, разводя руками. – Что-то тебе не нравится, и мне очень интересно, что именно.

Эмиль отстраняется от меня, услышав звук, который издаёт мой телефон. Слишком неуместно, слишком не вовремя. Мысленно матерюсь, достав из кармана мобильник и увидев на экране имя Глеба, не выдерживаю и бросаю пару крепких слов уже вслух:

– Сукин сын гребаный!

– Сильно помешал? – усмехается Бестужев, вопросительно выгибая бровь. – Или выруби, или же закинь его номер в чёрный список, если боишься, что кто-то важный не сможет

до тебя дозвониться, Арина.

– Как прикажете, босс, – ворчу я, закатывая глаза.

Опять в моей жизни двое мужчин. Одного я ненавижу всем сердцем, убить готова собственными руками. Второго тоже ненавижу всем сердцем, но и люблю настолько же сильно. Черт! Когда я стала такой ненормальной? Такое ощущение, будто полную чушь несу.

Однако я делаю, как велит Эмиль. Номер Салтыкова теперь в черном списке. Я бросаю телефон на тумбочку и складываю руки на груди в ожидании следующих слов Бестужева. Но он молчит и при этом не сводит с меня своих синих глаз. Есть в них что-то... Что-то мне совсем непонятное. А еще есть тоска и боль. Кажется, даже разочарование.

– Столько лет... – хрипло выдает, приближаясь вплотную. – За столько лет ты ничуть не изменилась. Абсолютно. Неужели жизнь ничему не научила, Арина?

– Чему именно должна была научить меня жизнь, Эмиль? И почему ты считаешь, что я ничуть не изменилась? – горько усмехаюсь я, сглатывая ком в горле. – Я могу шутить и смеяться сколько угодно. Но ты не знаешь, что творится у меня внутри. Имей в виду, что прошлое я обсуждать не собираюсь. Давай ближе к делу. Зачем ты меня сюда позвал? Нравится, что я прибежала к тебе? Таким образом решил меня унижить? Чего ты добиваешься, Эмиль?

– Ко мне? – уголки губ Эмиля слегка приподнимаются. – Унизить? Да что ты знаешь об унижении? – прорывав, он

хватает меня за волосы на затылке и тянет их назад, тем самым освобождая шею.

Глава 4

Если секунду назад мне казалось, что Эмиль набросится на мои губы, то я сильно ошибалась. Потому что ничего подобного не происходит. Он лишь смотрит мне в глаза. Зрачки у него расширены, и я вижу в них свое отражение. Вторая его рука на моей талии – он впивается пальцами в кожу через слой ткани.

– Не смей меня целовать, – первая отзываюсь я, чувствуя его желание у себя на животе. – Хотя... Можешь разочек, а потом катись к черту, Бестужев. Я не стану твоей подстилкой. А секретарем тем более. У меня есть своя должность. Или ты решил держать меня как можно ближе к себе? Выгоднее, чтобы я сидела рядом с твоим кабинетом двадцать четыре на семь? Хочешь, чтобы я каждый день заходила к тебе, садилась на стол и раздвигала ноги? М-м-м?

Мой голос еле слышен – он почти охрип. Рука Эмиля постепенно скользит вверх – к лопаткам, а потом обратно вниз – до ягодиц. Какие-то ощущения странные. Такие, какие я испытывала часто за те годы, которые жила без этого мужчины. Иногда хотела разорвать все контакты со всеми, кто постоянно был вокруг меня. Иногда хотелось наорать и сказать, что я живу и говорю то, что хочу. Иногда хотелось просто свалить из города, а лучше – вообще из страны. Хотелось просто орать, сказать, что я человек и что у меня есть свои

желания и мечты. Но меня останавливал один факт: Салтыков подставил бы меня точно так же, как сделал это с Эмилем. Не упустил бы шанса насолить мне и долбить в самое болезненное место – дочь. И только из-за этого я проглатывала каждый его приказ, каждую выходку.

Вот сейчас аналогичные ощущения. Хочется всему миру прокричать, как мне сейчас хорошо. Как я счастлива, что этот мужчина вернулся в мою жизнь и стал независимым человеком. Но теперь меня держит совсем другое: как же отреагирует Эмиль, когда узнает о дочери? Где гарантии, что он не станет шантажировать меня? А если решит отнять дочь и тем самым отомстить мне за то, что я скрыла от него ее?

Черт, Арина!

Я усмехаюсь своим мыслям и, коснувшись кончиками пальцев кожи шеи Эмиля, скольжу вниз – к первой пуговице его рубашки.

– Что же ты за баба такая, Арина? Тебя бы придушить собственными руками. За то, что предала, ушла к нему. Но мне в постель тебя затащить хочется и наказать. До самого утра. Как я понимаю, тебя не устроил брак с Салтыковым? А теперь, когда у него нет денег, вообще стал ненужным тебе?

Больно. Очень больно. Ржавый гвоздь уже проник в мое сердце, крутится там. Крутится... Делает рану еще больше и глубже.

А ведь это неправда. Пусть он не в курсе, что на самом деле произошло в прошлом, все равно становится обидно.

Аж до слез. Но я второй рукой цепляюсь за его плечо, приближаюсь еще плотнее.

– Как видишь... Не устроил. Но ты мне сейчас больше нравишься, ты прав. А насчет постели... – натянув на лицо обаятельную улыбку, я поднимаюсь на носочки и чуть ли не касаюсь губами его. – Обойдешься, босс, – сексуальным шепотом.

Выдержка у Эмиля отличная. Мы настолько близки, что его теплое дыхание касается моей кожи. По телу мгновенно бежит куча мурашек, каждый волосок на теле становится дыбом. Нереальные ощущения. Такого я не испытывала долгих восемь лет.

– Арина... – хрипло, со злобными нотками.

– Я самая, босс. Только вот я немного не поняла... Ты меня для чего к себе позвал? М? – специально не отхожу, а наоборот, как бы нечаянно касаюсь ладонью его шеи. Эмиль шумно втягивает носом воздух, наклоняет голову. – Что такое, Бестужев? Снова крышу сносит от моих прикосновений? Как тогда, много лет назад...

– Ты слишком высокого о себе мнения, Арина, – усмехается. – Я мужик. И у меня давно не было секса. Потому что невеста вынуждена была поехать в Штаты по делам. Захотел оторваться, воспользовавшись ее отсутствием. А рядом только ты, – последнее шепчет, прижимаясь ко мне всем телом.

– Невеста?! Решил воспользоваться ее отсутствием? –

уточняя я. – Эмиль, если ты сейчас с женщиной в обнимку передо мной встанешь, то я все равно тебе не поверю. Буду считать, что ты просто хочешь насолить мне. Так что...

Освободившись от его хватки, я глубоко вздыхаю. Как же я хотела, чтобы он меня поцеловал, но ничего подобного не случилось. Ну и ладно.

Делаю пару шагов назад, поправляю волосы. Сердце как бешеное стучит в груди, а в горле пересохло до такой степени, будто туда песка насыпали.

Бестужев щурится, затем хитро ухмыляется. Мне бы врезать ему по голове, чтобы не выглядел настолько сексуально. У меня ведь не было мужчины. Я никого к себе не подпускала после него. А сейчас... Я хочу его. Целиком и полностью.

– Пойдем ужинать, – хрипло выдает он. – А потом я скажу тебе, зачем сюда позвал.

– Если ты будешь так себя вести при каждой нашей встрече... Поверь, все убедятся, что я уже с тобой сплю. Будь немного сдержаннее, Эмиль. Не пожирай меня взглядом, – самодовольно усмехаюсь я и опять же вижу в глазах Бестужева некое разочарование.

Неужели тоже хотел близости? Настолько сильно, как и я? Так почему хотя бы не поцеловал? А я ведь так жаждала.

– Мне абсолютно плевать, что будут думать другие, – говорит, и в его голосе чувствуются злобные нотки.

– Я еще замужем, если ты забыл.

– И сколько ты планируешь с ним оставаться? – Эмиль

указывает рукой в сторону стола, мол, иди. – Даже слепой поймет, что у вас сплошные проблемы, а не семейная жизнь.

– Скоро разведусь, – честно признаюсь, рассматривая стол. – Это ты так готовился к моему приезду? – спрашиваю, не в силах оторвать взгляда от блюд. – Пахнет очень заманчиво. И я дико голодная. Будешь меня кормить сам, если я откажусь?

В глазах Эмиля пробегают грусть. Он становится темнее тучи. А я вспоминаю тот день, несколько лет назад, когда я категорически отказалась есть. Не помню, что между нами тогда произошло, но обиделась я на Бестужева сильно. А он в свою очередь даже не сообразил просто попросить прощения, а взял на руки, как маленькую девочку, и унес в кухню. Усадил на свои колени и кормил. Собственными руками. Да, это был такой заботливый, безумно приятный жест.

Я этого мужчину знаю, возможно, лучше, чем себя. Прожили мы вместе всего-то три или четыре месяца, зато по одному его взгляду могу понять, врет он или нет. Как сейчас насчет невесты. Нет у него никого – в этом я ни капли не сомневаюсь. Он не такой человек... Не изменит женщине, с которой он в отношениях.

– Сядь, – довольно строго произносит Эмиль. – Не заставляй меня...

– Что ты сделаешь, если заставлю? – перебиваю, но все-таки присаживаюсь. – Кстати, Эмиль, что тебе Глеб наговорил сегодня в твоём кабинете? Что-то мне стало неинтерес-

но слушать, как он будет ворчать на тебя. Правда, при любом раскладе он уже проиграл.

– И ты рада его проигрышу... – то ли вопрос задает, то ли утверждает.

– Ну, конечно, – я без церемоний отправляю кусок мяса в рот. – И знаешь, я об этом мечтала много лет. Правда, понятия не имела, что ты так круто расправишься с ним. Так неожиданно... Но мне стало прямо о-о-очень приятно. Уии! Да здравствует справедливость!

Возможно, со стороны выглядит глупо, но я не скрываю своего восхищения от Эмиля и радости от сложившейся ситуации. Да, я рада. Прямо в восторге! И мне абсолютно плевать, что подумает Бестужев. Он разглядывает меня каким-то загадочным и немного задумчивым взглядом. И да, я уверена, что у него в голове очень много вопросов, на которые он хочет получить ответы, однако я не готова к такому откровению. Точно не сегодня и не сейчас. Потому что, расскажи я ему все по порядку, мне придется вернуться в прошлое и вспоминать все до мельчайших деталей. А после этого я просто не смогу прийти в себя. Несколько дней буду злая и расстроенная.

– Ты же понимаешь, что, согласишься ты работать со мной, подпишешь собственный приговор? Смертельный приговор... – подшучивает он.

– Я уже согласна, Эмиль, – тихо смеюсь в кулак, отправляя в рот очередную порцию мяса. – С тобой даже умирать не

страшно. Я не жду от тебя подлости. Просто... Ну чуточку принуждения к сексу... А остальное – пустяки. Чего я только в этой жизни не видела.

– Принуждения? – даже умудряется удивиться. – Ты уверена, что сейчас обо мне говоришь?

– Ну да, – пожимаю плечами. Кладу вилку на стол и, наклонив голову набок, разглядываю Эмиля с улыбкой на лице. – Слушай, у тебя, кажется, зрачки потемнели. И расширились немного.

– Интересно, – Бестужев повторяет мои действия, игнорируя сказанные мной слова. – Когда ты, говоришь, разводишься?

Глава 5

А вот тут ответить нечего. Потому что я не знаю, когда именно разведусь. Но подам точно завтра же, поскольку я больше ни дня жить с Глебом под одной крышей не хочу. А официально быть его женой – втройне.

Взяв бокал с соком, я делаю несколько глотков и при этом не прерываю зрительного контакта с Эмилем. Он таким серьезным сейчас выглядит. Сосредоточенным... У меня складывается впечатление, что он хочет что-то сказать или же спросить, но тупо молчит.

– Если поможешь, то в течение недели бесспорно.

Да, пусть я манипулятор еще тот. Но, подай я на развод сейчас, Салтыков вряд ли согласится дать мне его. Зато деньги Эмиля могут многое решить. Например, избавить меня от мужа в течение нескольких дней. Я стану свободной женщиной и наконец вдохну полной грудью. Не боясь, что лишусь дочери. Без страха потерять самое драгоценное, что у меня есть – Эмилию.

– Ну, это без проблем. Главное, чтобы ты сама этого хотела.

– Вряд ли бы попросила у тебя помощи, если бы не хотела...

– Понял, понял, – перебивает Бестужев, выпивая стакан прозрачной жидкости залпом. – Закрываем эту тему. Но зав-

тра снова откроем. Сейчас я не хочу об этом говорить...

Я снова пожимаю плечами. Мол, как хочешь. Не горю желанием обсуждать то, где мелькает Глеб.

Говорим мы о чем попало. Часто шутим, не вспоминаем прошлое. Ощущение, будто мы давние друзья и не виделись много лет, вот и решили поужинать, поболтать немного.

Настроение у меня хорошее. Набираю сообщение дочери и, получив от нее положительный ответ, снова концентрирую все свое внимание на Эмиле.

– Думаю, мне пора, – смотрю я на наручные часы, понимаю, что больше я здесь провести времени не смогу.

Глеб, походу, еще не вернулся домой. Отрывается со своей любовницей. Возможно, с тремя сразу. Это как раз в его стиле. Любит он так... Чтобы его ублажали со всех сторон.

– К нему? Зачем? – говорит Эмиль. Грубо и довольно резко.

– Почему ты думаешь, что именно к нему? У тебя случайно никаких проблем с головой нет? Я буквально двадцать минут назад тебе сказала, что разведусь с ним. А ты все о своем. Черт! И какого черта я отчитываюсь перед тобой?

Бестужев смеется. Я встаю, а он – следом за мной.

– Прекрасный вопрос. Не понимаешь, почему оправдываешься? Seriously? Может, ты просто поняла, что многое теперь в твоей жизни зависит от меня?

– Не выпендривайся, Эмиль. Тебе это совсем не идет, – злобно бросаю ему в лицо. – Спасибо за ужин. Было приятно

провести с тобой время, но мне действительно пора, иначе мы друг другу глотки порвем.

Мысленно подмечаю, что у Бестужева действительно сегодня замечательное настроение. Пусть он временами и выглядит грустным и задумчивым, но больше всего смеется. А еще исподлобья наблюдает за мной. За тем, как поправляю волосы, собираю их в высокий хвост. Что-то жарко стало.

– До завтра? – выгибаю вопросительно бровь.

– Утром я тебе позвоню. Дам некоторые контакты, свяжешься с нужными людьми. Они помогут тебе ускорить процесс. Я про развод.

– Отлично, – широко улыбаюсь, уже предвкушая завтрашний день. – Чем буду тебе обязана за такую услугу?

– Ты специально? Чего ты добиваешься, Арина? Не испытывай свой шанс, иначе... – он на секунду замолкает, оглядывая меня с ног до головы, а потом продолжает гораздо тише, с хрипотцой в голосе: – Иначе запрю тебя в своей спальне и хрен ты оттуда выйдешь в ближайшие несколько дней.

– Несколько дней? – хмыкаю. – Классные у тебя мысли в голове, но... В принципе, я бы не против провести с тобой время. А уж в постели – тем более. Но ты не умеешь предохраняться. Еще не дай бог залечу, а ты меня опять на аборт пошлешь. Нет, мне действительно нужно уезжать. Чем дольше я тут, тем выше вероятность, что наш ужин закончится в твоей спальне.

Бестужев никак не реагирует на мои слова об аборте. Де-

лает шаг ко мне и останавливается настолько плотно, что я чувствую исходящий от него жар. Он слишком резко обхватывает мою голову руками и притягивает к себе. Впивается в губы. Буквально жрет их, кусает, лапая мое тело со всех сторон. Прижимает к себе.

А я отвечаю.

Это безумие. Мы, словно два оголодавших зверя, набрасываемся друг на друга. Я обвиваю его шею руками, прижимаюсь еще плотнее к каменной груди. Чувствую! Я опять же чувствую его желание у себя на животе, невольно вздыхаю.

Черт! Да, я хочу остаться тут, с ним. Хочу провести эту ночь с Эмилем, но... И что же произойдет завтра? Хотя я и выгляжу совсем равнодушной и защищаю Эмиля везде и при всех, однако внутри меня есть обида. Деньги у Бестужева имеются давно. Это факт. Значит, мог появиться не спустя восемь лет, а гораздо раньше. Да только он этого не сделал. А сейчас, когда Глеб окончательно обанкротился, появляется и вновь врывается в мою жизнь.

– Эмиль...

– Ч-ш-ш-ш.

Его руки везде. На талии, спине и даже на груди.

– Эмиль, подожди. Мой телефон, – шепчу, слыша трель. – Эмиль!

В глазах Бестужева вспыхивает огонь. Но он отпускает меня, и я машинально делаю шаг назад.

– Да, – отвечаю на звонок.

– Мамуль, он приехал. Ко мне не пришел, но орет внизу и зовет тебя.

– Ты только не бойся. Я буду через пятнадцать, ну, максимум двадцать минут. Договорились?

– А я и не боюсь. Просто... Чтобы тебя предупредить.

– Хорошо, солнце. Целую.

Я отключаюсь и, не дожидаясь Эмиля, быстрыми шагами иду на выход.

– Что-то случилось? – встревоженно спрашивает Бестужев.

– Нет, но мне надо скорее домой. Иначе Глеб вверх дном все перевернет.

– То есть тебе не плевать на него? – останавливает у двери.

– Мне плевать на него. Но это не дает мне права всю ночь проводить с другим мужчиной, будучи еще в браке. С человеком, которому когда-то было до одного места, что со мной станет. Который отправил меня на аборт, даже не спросив, от кого я беременна. Так что... Отстань от меня и открой эту долбанную дверь, которая не поддается. Мне нужно ехать.

Глава 6

Щелчок – и дверь открывается. Эмиль не останавливает меня до тех пор, пока я не дохожу до машины. Но там уже задерживает и спрашивает таким тоном, что по коже бегут мурашки:

– Ты же сама сказала, что от него. Что не сможешь жить со мной. То есть с преступником. Ты же тогда...

– Я не говорила, что ношу под сердцем его ребенка. Да я вообще... Просто сбежала от разговора, толком ничего такого не произнесла. Я помню каждое свое слово, Эмиль. Интересно, почему же ты до сих пор не стал разбираться, в чем тогда была моя проблема? Да и вообще... Я так понимаю, ты вообще интересоваться даже не стал мной.

– Меня не было в стране много лет. А если даже приезжал, то на несколько дней чисто для рабочих встреч. Да, не интересовался. Было зачем? В конце концов, ты сама его выбрала.

– А сейчас тогда зачем появился? – эмоции захлестывают. Я перехожу на крик, не в силах контролировать себя.

– А затем, что я постепенно уничтожал все связи Салтыкова. Он потихоньку все терял, а неделю назад окончательно добился своего. Да, я для этого пахал днями и ночами. И был уверен, что ты от него уйдешь, останься он ни с чем.

– Я была о тебе лучшего мнения, Эмиль, – бью кулаком

ему в грудь, горько усмехаясь. – То есть ты до сих пор думаешь, что я осталась с ним из-за его гребаных денег? Что я такая продажная? И что раз я такая, то и с тобой пересплю только потому, что ты не тот, каким был в прошлом? Ведь у тебя бабла выше горла. Я верно тебя поняла?

– Черт! – усмехаясь, Бестужев отворачивается, и я изучаю его широкую спину, по которой хочется стукнуть чем-нибудь тяжелым, чтобы он опомнился. Сукин сын! Стал таким же, как Глеб. – Почему же ты тогда пришла сегодня сюда? Я же ведь кретин. Бросил тебя восемь лет назад, обозвав не лучшими словами. Я же скотина... Я же тебя на аборт послал, но ты все равно узнала, что я хозяин компании, и это тебя ничуть не смутило. Мало того, что повела себя как ни в чем не бывало, так еще и на встречу согласилась. Почему, Арина? Почему?

Однако у меня внутри всего одна мысль: Эмиль специально выводит меня на эмоции, чтобы я выплонула всю правду ему в лицо. Но я не скажу ничего. Раз такой крутой, так пусть все сам узнает, выясняет. Ведь, по его словам, деньги открывают любую дверь. Да только не мое сердце, где много лет только он.

– Вот воспользуйся своими связями и приходи ко мне с ответами на свои вопросы. Потому что я тебе ни хрена не расскажу, Эмиль. Но знай одно: будь я уверена, что ты не станешь вставлять палки в колеса, я бы ушла из той компании и нашла бы работу в другом месте. После твоих слов не

вижу смысла оставаться с тобой.

– Да никуда ты не уйдешь. И да, ты права, тебя никуда не возьмут. Потому что я об этом позабочусь. Если будешь работать, то только со мной и только перед моими глазами.

– Сукин сын! – цежу сквозь зубы.

– Уж какой есть, – разводит он руками. – Не нравится? Зато за Глеба ты сразу замуж побежала, как только меня за решетку...

– Заткнись, а? – перебиваю я его. Открываю дверь машины и хочу уже сесть, как Эмиль дергает меня за руку и прижимает к себе. Впивается в мой рот с новой силой, всасывает мои губы, кусает их. – Отпусти! Сукин ты сын! Видеть тебя не хочу!

– Увы, – хрипло выдает он, крепко обнимая меня за талию. – Это невозможно. Куда бы ты ни шла, я буду преследовать тебя.

– Психопат! – вырывается из горла нервный смешок. – Отпусти, я сказала, мне домой ехать надо!

Прижавшись губами к венке на моей шее, Эмиль кусает кожу и не спеша отпускает.

– Завтра в десять будь в моем кабинете. Мне кажется, что тебе как воздух нужна эта работа. Ведь муж и отец тебя не смогут обеспечить.

– Я никогда не жила на их деньги, Бестужев! – рычу от злости. – Напомню, что ты не был миллионером, когда мы были с тобой в отношениях и жили под одной крышей. В

одной постели спали! Но ты специально разговариваешь со мной так, будто я легкомысленная продажная баба. От меня ты уж точно ничего не добьешься. Ну и ладно. Сам будешь жалеть, только хрен я тебя к себе подпущу. Самодовольный мамонт, черт тебя дери!

Завожу двигатель и жму на газ. Нервы все себе растрепала. Вообще не изменился. Все такой же упертый баран, который считает, что только он прав во всем.

Руки трясутся. Я сжимаю ими руль и мысленно врезаю себе несколько пощечин, чтобы прийти в себя. Так меня даже Глеб не мог вывести на эмоции. Меня просто передергивает от слов Эмиля. Но больше меня злит не это. А то, как мое тело реагирует на его прикосновения. Не хочу я испытывать подобных чувств к нему.

Потому что поступай он так со мной каждый раз... Если везде будет прижимать к себе и целовать, рано или поздно я сдамся. Не могу я. Да, умею давать отпор, отталкивать, говорить колкие слова. Умею провоцировать, а еще лучше умею привязывать к себе человека и соблазнять. Как это сделала несколько лет назад и заставила сходить с ума Бестужева. Но все это мне сейчас не нужно. Единственное, чтобы Эмиль наконец открыл глаза и узнал всю правду. Мне не терпится познакомить его с дочерью. Уверена, Эмилия будет безумно рада знакомству и общению со своим отцом.

Телефон подает признаки жизни. Увидев на экране имя Глеба, я просто вырубая звонок. Второй тоже от Салтыкова.

Но третий от моей малышки.

– Родная, что случилось? – спрашиваю встревоженно.

– Ничего, мам. Просто ОН орет. У меня голова разболелась уже. Ты скоро?

– Да я уже в дороге. Через минут десять буду. Он на тебя орет?

– Нет, там дедушка внизу. И ЕГО отец. На них вроде бы. И тебя обзывает. Говорит, что ты к нему поехала. Кого он имел в виду – я не расслышала.

– Не бери в голову, малыш. И из комнаты не выходи. Хорошо, родная?

– Да, конечно, мам. И еще я хотела сказать, что твою одежду тоже сложила в чемодан. И коробочку, где ты хранишь документы, и самые важные для тебя вещи. Правда, у меня не получилось так аккуратнo, как у тебя всегда выходит.

– Эмилия, – улыбаюсь, чувствуя растекающееся тепло по телу. – Умница ты моя. Хорошо сделала. Жди меня и ни в коем случае не спускайся вниз, даже если услышишь мой голос. Договорились?

– Хорошо, мам. Но...

– Никаких "но", родная. Все, давай.

Я, конечно же, знаю, что она имела в виду под «но». Дочка несколько раз была свидетелем того, как Глеб поднимал на меня руку. Однако я не могла ничего сделать. Просто терпела. Ради Эмилии. А сейчас... Слава богу... Судьба мне наконец-то улыбнулась.

Во двор не заезжаю. При любом раскладе я ночью свалю из этого дома. Разведусь с Глебом с помощью Эмиля. Точнее, с помощью его денег и связей. Надеюсь, этот процесс не будет тянуться долго.

Глеб сидит на диване с бутылкой в руке. А двое мужчин, то есть мой папаша и Салтыков-старший, расположились напротив. Господи, как же они жалко выглядят со стороны. Ненавижу эту троицу, в том числе и своего отца, всем сердцем и душой.

– А вот и объявилась наша су**а, – первым замечает меня Глеб. Так неудивительно слышать от него грязные слова в свой адрес. Я привыкла.

– Ты полегче со словами, дорогой, – бросаю как бы с издевательскими нотками. – Иначе можешь обжечься. Знаешь, я теперь не та Арина, которая боялась тебя. И да, я о-о-очень обнаглела. Потому что теперь за моей спиной стоит твой враг. Бестужев Эмиль собственной персоной, которого ты втоптал в грязь восемь лет назад. Он прямо жаждет расправиться с тобой по полной программе. Ну что, наигрался?

Ну да. Теперь выпендриваюсь я. А что, мне нельзя? Всю жизнь этот сукин сын мне сломал, угрожал. А теперь моя очередь.

Да, пусть всегда побеждает справедливость.

Глава 7

– Ты как с мужем разговариваешь, Арина? – пыхтит мой отец, довольно резко вставая с дивана. – Что за слова? Ты не то чтобы обнаглела. Ты просто с ума сошла!

– Папуль, тебя пугает что-то? А, стоп! Ты же дом продал, чтобы из дерьма свою шкуру вытащить, но получилось все с точностью до наоборот. Абсолютно все профукал. И теперь, соответственно, тебе жить негде...

– Прекратите! – рявкает Салтыков-старший. – Поднимайтесь в свою комнату и там решайте семейные проблемы. У нас и без вас их по горло, и они нуждаются в решении. Не мешайте нам! В кабинет, – говорит он моему отцу, ведя подбородком в сторону. – Но напоследок скажу кое-что, – он задерживает взгляд на мне. – Арина, ты сильно не надейся на Эмиля. Знаешь ли, с головой у него не все в порядке. Мне казалось, ты его хорошо узнала за то время, которое вы прожили вместе. Оказывается, я ошибся.

– Ой, прошу прощения, – нервно рассмеявшись, я закрываю рот ладонью и очень пытаюсь сдержать эмоции и крик души, которые вырываются наружу. – Да вы на своего сына посмотрите сначала. Ради справедливости, Эмиль может казаться немного странным, но он в адеквате. А не как ваш, – я киваю на Глеба.

Пусть он сидит молча и сверлит меня убивающим взглядом.

дом, это он рядом со своим отцом так себя ведет. Буквально через пару минут, когда мы окажемся с ним наедине, он взорвется как вулкан.

Я направляюсь к лестнице и не спеша поднимаюсь по ступенькам, кожей чувствуя, что Глеб идет за мной. Я готова к разговору, поэтому не спешу. Пусть орет в своей комнате, а в нашу с дочкой не лезет. Да и не хватало еще, чтобы он чемодан увидел.

– Сюда, – схватив меня за локоть, Глеб слишком резко тянет в сторону. Я оказываюсь в помещении, где воняет спиртным. Он, кажется, сначала пил здесь и только потом спустился. На столе несколько опустошенных бутылок. – У тебя шея красная. Ты с ним переспала? Да, Арина? Ты с ним тра...

– Не ори, придурок! – перебиваю. – Не ори! Ребенок спит в соседней комнате. Какого черта ты вообще творишь? Почему я должна перед тобой отчитываться? Не ты ли каждый проклятый день к своим бабам идешь? Не ты ли с ними...

Мне не хочется говорить лишних слов. Потому что толку от них не будет. Глеб привык орать, а сегодня он повышает голос сильнее, что ожидаемо. Ведь самая большая его проблема – это Бестужев. Салтыков так упорно пытался от него отделаться... И, казалось бы, у него получилось. Однако в последний момент все обернулось против Глеба – и он просрал все, что у них было с отцом. Так еще и мой папа свое имущество продал, лишь бы помочь Салтыковым. Да только...

Господи, мне так хочется смеяться. Громко, чтобы весь мир услышал. Чтобы все узнали, как я сегодня счастлива. Я всю жизнь мечтала, чтобы эта троица получила по заслугам. И вот. Принцип бумеранга не нужно забывать.

– Что ты хочешь от меня услышать, Глеб? Мне подтвердить твои догадки? Разве на моем лице огромными буквами не написано, как я довольна? М-м-м... Этот день я никогда не забуду!

Щеку обжигает пощечина. Салтыков снова притягивает меня к себе и начинает лапать.

– Я тебе сейчас покажу... – он рвет на мне одежду.

– Отойди! Психопат! Отойди от меня, я сказала!

Ищу глазами хоть что-то, во что я могу вцепиться и чем врезать этому придурку по его тупой голове. И первым я замечаю ночник.

– Сука ты, Арина. Никогда не позволяла трогать тебя, но сегодня...

Я не позволяю ему договорить – врезаю коленом между его ног и, как только хватка на моем плече ослабевает, отскакиваю назад, схватившись за ночник, бью им по голове Глеба. Не сильно. Так, чтобы он отрубился.

Салтыков падает на пол. Ничего с ним не случится. Сукин сын! Я бы не против, чтобы он сдох, но терять еще несколько лет своей жизни из-за этого морального уroda...

Он того не стоит.

– Эмилия, – тяну за ручку двери. – Малыш, открой.

Дочка открывает и испуганно разглядывает меня.

– Мам, что с твоим лицом? Что с одеждой?

– Без вопросов, родная. Где чемодан?

– Под кроватью, – шепчет дочка.

– Спускайся на цыпочках. А я за тобой. Уезжаем из этого проклятого дома раз и навсегда. Я только кофточку помешаю.

Переодеваюсь за считанные секунды и, достав второй чемодан, впихиваю туда абсолютно все, до чего рука дотягивается. Сюда я не вернусь. Уж за одеждой тем более. Все это я покупала на свои деньги. Не оставлю ни одного платья дочери здесь.

Через две-три минуты я уже спускаюсь. Дочь стоит у машины, оглядываясь по сторонам. Слава богу, из дома мы вышли незаметно, да и у ворот нет никого, кто мог бы донести хозяевам дома, что мы уезжаем. Положив чемоданы в багажник, я сажусь за руль. Эмилия терпеливо ждет меня в машине.

– Мамуль...

– Все в порядке, – отвечаю, уже догадываясь, о чем она спросит.

Больше она не задает мне вопросов. Мы заходим в квартиру, где будем жить ближайшие несколько месяцев. Потому что идти больше некуда.

Плюхаюсь на диван и потираю лицо рукой. Малышка садится рядом и, положив голову на мое плечо, бормочет что-

то невнятное себе под нос.

– Эми, что случилось, родная? – аккуратно спрашиваю, глядя дочку по волосам. – Ты заболела? Плохо себя чувствуешь?

– Нет, – качает она головой. – Просто я думаю... Ты всегда говорила, что папа вернется. А его все нет и нет. Вот сейчас мы нуждаемся в нем очень сильно. Был бы у меня отец, не позволил бы тому уроду так с нами поступить. Он же ударил тебя? Одежду порвал...

Не позволил бы.

И ты, милая, не знаешь, на что способен тот самый урод. Он нам с твоим отцом жизнь сломал и тебя без папы оставил. Но все наладится. Со временем все сложится у нас прекрасно – и мы будем счастливой семьей.

– Все в порядке, малыш. Не бери в голову. Он всегда был таким грубым. А насчет отца... Он действительно скоро будет с нами.

Дочь поднимает на меня наполненные слезами глаза и смотрит недоверчивым взглядом.

– Обещаешь?

– Обещаю, – целую ее в макушку. – Беги в душ, родная. А потом спать. В ванной, возможно, не так красиво, как в доме Глеба, зато...

– Зато тут уютно и спокойно, – продолжает за меня Эмилия.

– Беги, беги, – улыбаюсь. – Одежду я принесу.

Завтра нужно проснуться раньше и привести квартиру в порядок. Пыли слишком много. Интересно, Эмиль когда-нибудь задумывался насчет этого дома, который оставил когда-то мне? Или просто плюнул? Сейчас уж точно ему ни к чему это скромное жилье. Он привык к большему.

Пока дочь в ванной, я набираю номер Салтыкова-старшего. Он отвечает после пятого гудка, и я выпаливаю на одном дыхании:

– Поднимитесь в комнату своего сына. Он вырублен. Вероятно, уже пришел в себя, но все же... Пьян ведь.

– Что? Ты где, дрянь? Что ты сделала с моим сыном?

– Не орите на меня. Повторяюсь: я не та Арина. Ваш сын напал на меня, приставал, пришлось поступить точно так же, как он со мной. То есть по-зверски. Не удивляйтесь. В ваш дом я больше ни ногой. На хрен не сдался ваш особняк. Чтобы он вам на голову рухнул в скором времени. Не смейте идти в ментовку. При любом раскладе ничего не сделаете, не добьетесь. У вас нет того влияния, что было раньше. Зато у меня тело в синяках, и я с удовольствием могу написать жалобу на вашего сына-кретина. И тогда его из тюрьмы никто не спасет.

Не дожидаясь ответа, отключаюсь.

Достаю из чемодана одежду для дочери. На секунду сажусь в кресло и зажмуриваюсь. Устала я. Спать хочется. А еще больше... Проснуться завтра и ничего не вспоминать. Тем более слова и поступки Глеба.

«Я могу завтра приехать чуть позже? Например, к двенадцати? Есть очень важное дело, Эмиль», – отправляю сообщение Бестужеву и, положив телефон на стол, направляюсь в ванную к дочери.

Выходим мы через минут десять. Я помогаю малышке одеться. Цепляюсь взглядом за цепочку на ее шее, задумываюсь. Та самая... С кулоном, где изображена буква «Э». Подарок Эмиля, который он мне так и не успел подарить. И который я сама нашла в шкафу.

Эта драгоценная для меня вещь на шее дочери чуть ли не с рождения. Я хранила ее, оберегала.

– Мамуль, – трогает мое лицо маленькими ладошками.

– Да?

– Ты так задумалась... У тебя телефон звонит.

– Черт. Да, задумалась сильно. Ты ложись, а я сейчас приду, – забрав мобильник, иду в кухню. – Да.

– Решила побольше времени провести в доме мужа? – с насмешкой в голосе произносит Бестужев.

– Нет, конечно. Ничего общего с Салтыковым. Надеюсь, ты мне веришь. Есть совсем другое дело, которое требует немедленного решения.

– Интересно, – повисает пауза. – Почему ты считаешь, что я позволю тебе все на свете?

– Потому что любишь меня, – отвечаю, не задумываясь.

– Арина, не наглей.

– Скотина ты, Бестужев. Неужели нельзя честно признать-

ся? Или будешь точно так же упираться, как восемь лет назад?

– Арина, не наглей, – повторяет он тверже. – Завтра ты расплатишься за свои слова. Не боишься?

– Кого угодно, только не тебя, – улыбаюсь я, кусая нижнюю губу. – Ты теперь мое все. Босс, любимый человек, ангел-хранитель и...

– Завтра после обеда будь в моем кабинете, – перебивает строгим голосом. – Желательно надень что-нибудь свободное. Ну, и чулки не забудь.

А дальше короткие гудки. Сукин сын! Сбросил вызов.

Ага, сейчас прямо. Что-нибудь свободное, так еще и чулки. Размечтался.

Но...

Как бы самой не поддаться соблазну.

Глава 8

То ли от волнения, то ли оттого, что я счастлива, уснуть получилось с трудом. Но мой сон продлился от силы три часа, и вот я снова на ногах.

Тянусь к телефону, который я выключила, чтобы отец меня не бесил. Ну, и стопроцентно Глеб не оставил бы меня в покое. Он наверняка давно очухался и напился еще сильнее. Теперь я от него ничего хорошего вовсе не жду. Если раньше можно было с ним договориться, например, поучаствовать в совещании и выиграть проект взамен на то, чтобы он нас с дочерью не трогал хотя бы недельку, то теперь он будет ходить как дикий зверь, у которого отняли что-то очень драгоценное. Кроме мести, он ни о чем думать не будет.

Хотя... Он сам себя загнал в угол. Ведь нужно помнить: нельзя рушить жизнь другому, потому что рано или поздно все повернется против тебя самого. И вот. Случилось то, чего я так долго ждала.

«Позвони сразу, как увидишь сообщение», – смс от Дилары заставляет напрячься. От Глеба семь звонков. На него плевать, а вот подруге набираю сразу.

– Дилар, – говорю уже в трубку. – Что случилось?

– Проснулась, – отвечает она, и я сразу же чувствую в ее голосе обиженные нотки. – Ты где, Арина?

– Да тут... Дома.

– Какой дом ты имеешь в виду? – чуть громче спрашивает она, затем шумно вздыхает. – Арина, твой муж приходил ко мне в три утра и искал тебя. Обзывал не только тебя, но и меня не очень приличными словами. А самое обидное, что я была не одна. С Камилем.

– Черт, – я прихожу в ярость от услышанного. – Прости, дорогая. Я не хотела. Господи, получается я тебя подставила...

– Ты где сейчас? – перебивает.

– В квартире. Которую Эмиль оставил.

– Блин, – усмехается подруга. – Прекрасно. Жди, я сейчас буду.

Шестой час. Видимо, Дилара сильно поссорилась со своим мужчиной, раз не спала.

Она приезжает через два часа. И за это время я успеваю избавиться от пыли в доме, помыть полы и даже всю посуду, что имеется в квартире. Спускаюсь в магазин. Холодильник абсолютно пустой. Если бы я жила одна, то было бы плевать. Но нужно кормить Эмилию.

– Прости, – первое, что говорю, как только Дилара заходит внутрь. – Мне очень жаль.

– Да я уже успокоилась. Но ответь ты на мой звонок в три утра, я бы, скорее всего, наорала на тебя. Сукин сын твой Салтыков.

– Сильно ругался? – киваю в сторону кухни.

– Ага. И получил по заслугам. Камиль его круто избил, а

потом вышвырнул из квартиры. Правда, мы с ним поссорились... Эмилия спит?

– Спит, – подтверждаю, потирая лицо рукой. Вот сейчас безумно спать хочется. – Я сбежала из дома, Дилар. Напоследок ударила Салтыкова по голове. Правда, мечтала, чтобы он сдох. Но раз постучался к тебе посреди ночи, значит, я плохо постаралась.

– Да ты сумасшедшая! А если бы он действительно умер?

– Да хрен с ним! На одного кретина стало бы меньше в Москве, – ставлю тарелку с печеньем на стол, наливаю нам чай.

– А Камиль, кажется, бросил меня, – грустно усмехается подруга, обхватывая руками горячую кружку.

– Вы сколько месяцев вместе? Никуда он от тебя не денется. Если что, я поговорю с ним. Объясню, что мой муж скотина. Если потребуется, то даже в детали вдамся. Что-то самой хреново стало...

– Нас бы не уволили, главное. Вот тогда по-настоящему будет хреново.

– Не уволят, – улыбаюсь, заглядывая в глаза подруги. – Эмилю мы нужны.

– Только не говори, что вы занялись сексом. Ты же пошла на встречу с ним, верно? И?

– Что, Дилар? Я взрослый человек. И да, у меня давно не было секса. Я бы не отказалась. Бестужев горячий и сексуальный мужчина. Но очень жаль, что до близости мы не до-

шли. Я вернулась домой, а там Глеб стал наезжать. Одежду на мне порвал, даже ударил. Стукнула его по голове и сбежала вместе с дочерью. Я даже все наши вещи успела забрать. Там только старье всякое осталось.

– Боже, я не верю своим ушам! Ты так говоришь, будто все произошло по щелчку пальцев. И будто так и должно было быть! Да ну тебя, Арина! Ты почему такой уверенной в себе стала? Думаешь, Салтыков все связи потерял? Ты же так его боялась. А сейчас...

– Сейчас есть Эмиль, который не даст меня в обиду. Кстати, он просил, чтобы я надела что-то свободное и не забыла про чулки. Может, сегодня я смогу по-настоящему насладиться близостью с мужчиной, – улыбаюсь тому, как удивленно приподнимает брови Дилара.

– Нет, ты реально сошла с ума. Это так на тебя появление Бестужева повлияло? Ты ему сказала про Эмилию?

– Нет, – тут же становлюсь серьезной. – Пусть сам во всем разбирается. Деньги у него теперь есть, и для него разузнать, что было в прошлом, то же самое, что щелкнуть пальцами. Тогда он ушел без оглядки. А сейчас я заставлю его гнаться за нами. Не видать ему дочь просто так.

– То секса с ним желаешь, то говоришь, что он должен гнаться за вами. Я тебя затрудняюсь понять.

– Ну при чем тут секс... – буквально хохочу. Но замолкаю, устремляя взгляд на дверь, где стоит Эмилия. – Ты проснулась, малыш?

– И умылась. Привет, тетя Дилара, – дочь целует в щеку подругу. – Как хорошо, что ты здесь.

– Кстати, ты за рулем? – спрашиваю.

– Нет, такси вызывала.

– Вот и замечательно. Эмилию в школу, а потом в компанию. Иди сюда, родная, я тебя накормлю. И бежим переодеться.

– Не смей платье и чулки надевать! – командует Дилара, на что я опять же громко смеюсь.

Натягиваю на себя черный брючный костюм. Обойдется Бестужев. Никакого ему секса.

Пусть Эмиль дал мне время, но около одиннадцати я паркую автомобиль у здания, и мы с Диларой поднимаемся на седьмой этаж.

– Мне надо поговорить с новым боссом или за меня это сделаешь ты?

– Однозначно я. Но и с тобой он захочет пообщаться. Иди ко мне в кабинет, я сейчас вернусь.

Возможно, я действительно наглая, раз захожу в кабинет биг-босса без стука. А он даже не удивляется. Будто знал, что я приду. Может, наблюдал за мной? Тут же всюду камеры.

Отрывает взгляд от монитора, поднимает на меня глаза и оглядывает с ног до макушки.

– Не понравилось? – догадываюсь я.

Лицо Эмиля непроницаемое. Он встает, обходит свой стол. Подходит ко мне настолько близко, что в нос ударяет

запах его парфюма, который кружит голову. Я нервно сглатываю, но смотрю на него в упор.

– Не понравилось. Но это не значит, что я не возьму тебя. Сейчас. Прямо здесь. Только дверь на замок закрою. Нам не должен никто помешать.

Глава 9

Его походка, ровная осанка и пожирающий взгляд... Они сводят меня с ума.

Но я мысленно ругаю себя. Повторяю раз за разом, что нужно держать себя в руках и не поддаваться. Этот сукин сын бросил меня в тот момент, когда так сильно был нужен. Не разобрался ни в чем, пусть и я сама, можно сказать, все вырвала с корнями, чтобы Эмиль не стал углубляться. Но он, будь неладен, послал меня на аборт, когда я сказала ему о беременности.

Нет, я, конечно, умом понимаю все. Например то, что он мог сказать это на эмоциях. Лишь бы задеть меня, сломать, сделать больнее. Ведь в тот момент я действительно казалась продажной. По тем фоткам, что сняли Глеб со своей потаскушкой, которая в итоге оказалась за бортом.

Кстати, после того дня, когда они меня вырубili, уколов какую-то гадость, я долго ходила по врачам. Мне нужен был конкретный ответ, что с моим малышом все в порядке. Слава богу, ничего плохого во многочисленных анализах не было. Иначе я не пережила бы. И, конечно же, прикончила бы Салтыкова собственными руками. Да потому что мне уже терять было бы нечего!

– Даже не буду спрашивать, почему ты любишь перечить, – лицо недовольное, как и сам Бестужев. Он разглядывает

вает меня с ног до макушки так, будто впервые видит. Интересно, он чувствует во мне какие-либо изменения? Он вообще в курсе, что я родила ребенка?

– Потому что ты знаешь ответ? – широко улыбаюсь я, делая шаг вперед. Сама подхожу вплотную и обвиваю мощную шею мужчины руками. Благо, на высоких каблуках я не выгляжу рядом с Эмилем как школьница. – Не будь занудой, Бестужев. Скажи, что я прекрасно выгляжу. И что ты без ума от меня, независимо от того, что я натянула на себя.

– Я, пожалуй, соглашусь с твоим последним предложением, – хриплый шепот прямо у уха, от которого по телу разбегаются не только бешеные мурашки удовольствия, но и теплые волны. – Однако больше всего приятно видеть тебя в том, что можно с легкостью порвать к чертям собачьим или же стянуть одним движением.

– Ого-го! Ты поаккуратнее, босс, со своими желаниями, – я смеюсь, касаясь губами шеи мужчины. И чувствую, как его дыхание тяжелеет, грудь вздымается. Он втягивает носом воздух со свистом. – И еще... Прости, конечно, быть может, я сейчас обижу тебя. Но секса между нами точно сегодня не будет. Потому что... Ну... У меня те дни. Ты понял меня.

– Ты думаешь, это меня остановит, Волчонок? Плохо ты запомнила своего Эмиля.

9.2

Вот тут он ошибается. Своего Эмиля я знаю прекрасно. Точно так же, как свою дочь или саму себя.

Постоянно самоуверенный, довольный собой мужчина. Который не любит что-то делать напоказ, демонстрировать свой ум. Наоборот. Пусть будет все втихаря и никто не будет тыкать в него пальцем, говорить, какой он гений.

Полная противоположность Салтыкова.

Всего одним движением Эмиль усаживает меня на стол, располагается между моих ног. Теперь он касается губами моей шеи, отчего внутри загорается огонь. Дыхание учащается, сердце бьется настолько сильно, что грудь начинает сдавливать.

У меня давно не было мужчины. Нет, найти его как раз не было никогда проблемой, но я не была готова к такой глупости. Переспать с человеком, которого ни капли не любишь... Это совсем не про меня. Тем более будучи замужем. Хоть и брак у нас с Глебом фиктивный.

Не знаю, сколько времени я смогла бы так еще прожить. Не подпуская к себе никого... Но в одном уверена точно: даже если Бестужев был бы женат... Я не решилась бы вступить в отношения с другим, не имея к нему никаких чувств. Потому что каждое касание чужого человека напомнило бы его. В каждом я начала бы искать мерзавца Эмиля, который до сих пор, спустя много лет, действует на меня и на мое тело странным образом. Заставляет подчиниться, смягчиться, таять... Заставляет сердце биться гораздо чаще, чем обычно. Заставляет просто почувствовать себя женщиной. Желанной и любимой.

– Босс, вы хотите взять меня против моей же воли? – интересуюсь я шепотом. – Это совсем не профессионально. И вообще... А ну-ка отойдите от меня! Я не разрешала!

Эмиль собирает мои волосы в кулак, слишком резко тянет назад, освобождая шею. И впивается в бешено быющую венку влажными губами, касается языком. Глаза сами собой закрываются, а внизу живота разливается тепло. И там становится щекотно.

– Просто замолчи, – рычит мой мерзавец-босс. Его руки везде. Лапает мою спину, поднимается до лопаток. Шершавая ладонь касается живота, опускается к пуговице брюк.

– Нет, Бестужев. Секса между нами не будет стопроцентно, – выдаю я, сжимая его руку, которая уже тянет замочек вниз. – Ты очень сильно завелся, босс, – цокаю языком. – От возбуждения даже оглох. Прислушайся. Кто-то дверь ломает.

И я почти не вру. Только если в одном чуть преувеличиваю: дверь не ломают, просто настойчиво стучат.

Эмиль бросает пару нецензурных слов сквозь зубы и глубоко вздыхает. А потом просто отстраняется, поставив меня напоследок на ноги. Я поправляю волосы и сажусь на диван, закинув ногу на ногу. Колени до сих пор дрожат. Понятия не имею, кто там, но тому человеку явно не жить. Эмиль его порвет.

– Простите, я... – оправдывается секретарша, увидев меня. Я знаю эту девушку. Она всегда была тихой. И держалась

как можно дальше от баб, которые постоянно сплетничали в компании. – Если не вовремя...

– Говори, – рывкает на нее Эмиль.

– Там... В кабинете... – она устремляет взгляд на меня. – К вашей подруге какая-то девушка зашла и кричит. Скандал устроила. Думаю, вам надо подняться, – говорит опять же мне и только потом поднимает глаза на Бестужева. – Я пришла сообщить вам, потому что Арину не нашла.

– Хорошо, Танечка. Ты можешь идти. Я сейчас же приду.

Она открывает рот, чтобы еще что-то сказать, но замолкает и, развернувшись, уходит.

– Прости, я пойду.

– Мы не закончили, – доносится уже за моей спиной.

– Сегодня точно не закончим, – повернувшись к Эмилю, подмигиваю. – Может быть, через пару суток. Когда те дни закончатся. Кстати, – я киваю на его брюки. – Он тоже нехило так завелся. Кто молодец? Арина молодец!

Довольная собой я поднимаюсь к Диларе и застываю у двери, слыша грубый женский голос:

– Я не хочу слушать твои жалкие объяснения. Я хочу, чтобы ты отвалила от моего мужа! Уяснила?

До меня не сразу доходит смысл этих слов. Я хлопаю глазами, даже сглатываю нервно, но потом открываю дверь. Надеюсь, подруга не совершила глупость.

– Дилара, – захожу в кабинет и закрываю за собой, – что здесь за крики?

– А вы, собственно, кто? – отвечает вместо Дилары ее гостя с лицом, которое она замазала косметикой по полной программе. Будто на какую-то телепередачу собралась.

– Это вы кто и что делаете в нашем офисе? Недовольный клиент? Могу проводить вас в отдел рекламации, там в письменной форме выскажете свои претензии, – отвечаю на автомате. Даже злюсь не на шутку.

– У меня претензии к ней! – тычет она пальцем в Дилару. – Вы в курсе, что ваша сотрудница спит с чужими мужьями?

Глава 10

Голова взрывается от всего, что сегодня происходит. Мой мозг категорически отказывается переваривать всю информацию, которую я получила за последний час.

У Дилары есть мужчина. Она встречается с ним несколько месяцев. А сейчас объявляется его жена и орет на весь офис, что моя подруга – развратница, разрушительница чужих семей. Но это не так.

Я вижу, как плохо Диларе. Она сильно переживает. А еще больнее ей оттого, что Камиль обманул ее. Я понимаю, конечно, как это больно. Будь я на месте Дилары, скорее всего, нашла бы того Рахманина и врезала чем-нибудь ему пару раз. Желательно по голове. Чтобы очухался и понял, что натворил. И если в этой истории есть жертва, то это только моя подруга.

Камиль, выходит, изменял своей жене. А его жена... Не такая уж белая и пушистая. Потому что мы с Диларой застали ее в ресторане с другим мужчиной. Да, в этом ничего удивительного нет. Но когда замужня баба держится за руки с каким-то мужиком и при этом улыбается ему так... Не как родственнику. То это значит только одно: они спят, это даже дурак поймет. Но какого черта эта надувная кукла пришла устраивать скандал – огромный вопрос.

Но... Быть может, Кам вообще не в себе?

Ладно, разберемся. Я попрошу Эмиля помочь нам с этой проблемой.

– Давай поедem ко мне? – предлагаю я, приглашая подругу сесть в машину. Она молча располагается на переднем пассажирском сиденье, отрицательно качая головой. Мол, не хочу. – Ну, блин, Дилар, может, она вообще левая баба? Давай ты сначала поговоришь со своим Камилем? Может, он вообще не в курсе, что творится за его спиной?

– Поэтому я и не хочу к тебе, – тихо, почти шепотом отзывается подруга, двумя пальцами потирая переносицу. Зажмуривается и снова распахивает глаза. – Как страшный сон, честное слово. До сих пор не верится. Если та женщина говорит правду... – усмехается невесело. – То я полная лохушка. Столько месяцев... Я же ведь влюблена в него, Арин. Как забыть теперь? Как вычеркнуть? Может, мне сесть за руль и на газ по полной? Чтобы врезаться куда-нибудь и память потерять?

Я закатываю глаза. Какой-то сухой юмор... И глупый. Вычеркнуть вряд ли получится, если любишь до безумия. Знаю по собственному опыту. Восемь лет прошло, а я до сих пор трясусь от одного прикосновения Эмиля. Будто, кроме него, мужиков нет на этом свете. Заклинило на нем, ей-богу.

– Нет, моя дорогая. Я сейчас подвезу тебя домой. Ты позвонишь своему Каму и попросишь его приехать к тебе, объяснить, что за чертовщина происходит и почему ты должна переживать это дурацкое недоразумение. Ясно тебе?

– Ну конечно. Должна с ним серьезно поговорить. Чувствую себя ребенком рядом с тобой. Знаешь, я всегда восхищалась тобой. Часто задумывалась... Будь я на твоём месте – не выдержала бы всех ударов судьбы. А сейчас сама в таком положении...

– Выше нос, детка. Все будет прекрасно. Хочешь, поделюсь с тобой секретом? – улыбаюсь, останавливаясь на светофоре. – Я никогда не сомневалась... Была уверена, что Эмиль рано или поздно вернется. Чувствовала. А ты... Слушай, что тебе сердце подсказывает. Договорились? Я еду обратно в компанию, вечером обязательно примчусь к тебе вместе с Эмилией. Надеюсь, до того времени ты уже поговоришь со своим Рахманиным.

Останавливаюсь у дома, где живет Дилара, и пытаюсь по максимуму поддержать ее. Потому что она единственная, кто был рядом со мной все восемь лет. Помогала, поддерживала, выручала в любой момент. И я чувствую себя должницей перед ней.

Возвращаюсь в офис и первым делом поднимаюсь в кабинет Эмиля. Нет, подкалывать я его больше не буду – настроение совсем не то. Но нужно сесть и серьезно с ним поговорить. Вроде бы Камиль тоже бизнесмен. Быть может, Бестужев что-то о нем знает?

– Эмиль, – зову я его, едва открыв дверь. И застываю.

На диване напротив его стола сидит девушка. Лет двадцати пяти, не больше. Такая красивая и яркая. Глаза у нее...

Прелесть просто. Принцесса настоящая. И такое ощущение, будто я ее знаю...

– Извините, если я не вовремя.

– Заходи, Арина, – усмехаясь, проговаривает Эмиль.

– Добрый вечер, – встает с места девушка и нежно улыбается мне. – Меня зовут Диана. Я жена близкого друга вашего... Кхм, босса. Заехала, чтобы обсудить важную тему. Мы уже закончили. Всего вам доброго, – зачем-то то ли оправдывается, то ли отчитывается она, шагая к двери. – Эмиль, я все-таки надеюсь, что ты поговоришь с Тео и сможешь вбить ему в голову, что идея у него так себе, – в последний момент оборачивается к Бестужеву.

До меня не сразу доходит, кто она. Только после того, как слышу имя Тео. «Диана...» – мысленно повторяю. Да, я ее вспомнила! Тот самый Теоман Байдасаров, с которым мы начали работать восемь лет назад. Но все пошло коту под хвост, и мне пришлось вернуться в компанию Салтыковых. Диану я видела в прошлом всего два раз. Тогда она тоже, естественно, была красоткой, но не настолько яркой и притягательной. А сейчас... Значит, Байдасаров все же женился на ней.

– Узнала, – улыбается Эмиль, как только Диана покидает кабинет. – Память у тебя отличная.

– Узнала, – подтверждаю я. – Молодец Байдасаров. Не отпустил девчонку.

– А почему он должен был отпускать ее? – кивает на ди-

ван, мол, садись. Но я сажусь прямо на стол рядом с Бестужевым. — Вообще-то любовь у них... И все подобное.

— Вот оно как... — складываю руки на груди. — А у нас что было тогда? Восемь лет назад имею в виду... Что, если не любовь? И... Почему, говоришь, он должен был отпустить Диану? Не должен был, верно. Поступил как настоящий мужик. Но у меня вопрос к тебе, Бестужев.

Я пристально разглядываю лицо Эмиля. Почему-то меня сильно затронули его слова. Любили они друг друга, значит... Теоман и Диана... Байдасаров не отпустил свою девочку, потому что был без ума от нее. Интересный расклад, однако. Значит, все, что было между нами с Эмилем, нельзя назвать любовью?

И без того хреновое настроение падает ниже плинтуса.

— Я тебя внимательно слушаю, Арина, — откидывается на спинку кресла, склоняя голову набок. Не сводит с меня глаз цвета неба.

— Почему же ты отпустил меня тогда, Эмиль, восемь лет назад? Я думала, ты любил меня. Но, оказывается... Любящий человек не бросает, верно?

Глава 11

Сейчас мне хочется исчезнуть. Испариться и не слышать, что ответит Эмиль, потому что его ответ мне явно не понравится.

Он щурится и смотрит исподлобья некоторое время. Минута, а может, чуть больше. Однако этот короткий промежуток тянется словно бесконечность, выбивает почву из-под ног.

Лучше пусть промолчит или поменяет тему. Но не делает мне больно. Потому что то безумное желание, которое заставляет меня тянуться к Бестужеву, пропадет моментально. Между нами встанет стена, прошибить которую будет невозможно как минимум несколько месяцев.

– Забыла, как меня послала на хрен, сказав, что беременна от него? Как переспала с ним... Я, кажется, ошибся... Память у тебя так себе.

Я усмехаюсь. И усмешка эта такая горькая... И я убеждаюсь в очередной раз: он не интересовался мною все эти годы, не узнавал, с кем я продолжила свою жизнь. Вероятно, даже о дочери не знает.

– Я не говорила, что беременна от него, – мой голос превращается в жалкий шепот. Самой становится стыдно. Потому что я не слабачка. Я сильная женщина, которая не сломалась ни перед кем. Которая умеет себя защищать, засту-

паться за свои права. Которая не даст себя в обиду и глотку перегрызет человеку, который тронет ее или же дочь. – И никуда я тебя не посылала. Знаешь, думала, действительно какие-то чувства испытываешь ко мне. Все еще незабытые... Оказалось...

И опять усмешка. Сердце барабанит в груди, напоминая, как этот человек важен мне. Иначе я не стала бы так нервничать, переживать, разговаривая с ним. Ладони потеют.

Кресло, в котором сидит Эмиль, катится к столу вплотную. Бестужев кладет горячую ладонь на мое бедро, скользит до колена.

– Что же тогда означали твои слова, Арина? – хрипло, с нотками раздражения. – Ты была для меня всем. Ты была для меня женщиной, ради которой я готов был душу дьяволу продать. Но ты... Не оценила. Ушла к нему. Переспала. И зачем мне такая баба?

– Интересный вопрос, Эмиль. Я же переспала с ним. И тогда, и сейчас... В браке. Целых восемь лет. Зачем же я тебе? М-м-м?

Рука Бестужева скользит выше – лезет под пиджак. Пальцами гладит спину сквозь ткань блузки, отчего мурашки рассыпаются по коже, а по телу бежит теплая волна наслаждения.

– Не знаю, – кривая усмешка трогает его губы. – Честно говоря, не думал, что так потянет к тебе. Спустя восемь лет. А ведь я должен ненавидеть тебя до сих пор. Потому что пре-

дала. Изменила...

– Эмиль, – качаю головой, накрывая его ладонь, которой он дотрагивается до моего лица. Пальцами гладит скулу. – Я тогда просто хотела... Хотела, чтобы ты остался на свободе. Чтобы из-за меня не сидел за решеткой черт знает сколько. Я просто хотела... Чтобы ты жил. Пусть без меня. Пусть я без тебя. Но чтобы ты жил. На свободе! Я боялась... Ведь ты из-за меня попал в тюрьму. Ты из-за меня...

– Из-за тебя? – перебивает. Недоумевает. – При чем тут ты, Арина?

– Ты сейчас издеваешься? – я хочу опуститься на ноги, но Эмиль не позволяет. Хмурится, пригвождает меня к месту одним взглядом. Будто приказывает: «Продолжай». – Я в ту ночь попросила тебя выйти прогуляться. А потом те алкаши... Они же в мой адрес бросали нецензурные слова, обзывали продажной. Ты их избил из-за чего? Из-за меня! И один из них умер ведь, Эмиль. Причиной всему была я.

– Так, стоп, – резко перебивает в очередной раз. – Арина, он умер, да. Но при чем тут ты? – повторяет свой вопрос. – Я похож на отморозка? Не избивал я никого до смерти. И вообще... Меня обвиняли в торговле дерьмом... Ерунда, конечно. Много нервов мне потрепали. Но в итоге до них дошло, что я вообще ни при делах. Спустя месяц где-то. А тот придурок умер из-за передозировки. Я не понял... Это тебя так обманули, что ли? Вот почему ты тогда сказала, что не хочешь жить с преступником. С убийцей вообще круто про-

звучало бы, — смеется нервно. — И ты поэтому легла с ним в одну кровать? Браво, — резко отпускает меня, хлопает в ладони. На лице злая ухмылка. — Браво, Арина. Я тебя недооценил. Оказывается, ты гналась за выгодой. И без того нищий Эмиль стал еще и убийцей. А у Глеба есть все. Деньги, бизнес, власть. Вот ты и выбрала его. А теперь тебе выгодно вернуться ко мне, верно? Отлично. Но чтобы быть со мной, дорогая, ты должна мне понравиться. Покажешь, на что способна? — его пальцы касаются пуговицы моей рубашки, а в глазах сверкают хитрые огоньки.

— На хрен ты мне не сдался, Бестужев! — отбрасываю его руку с себя. — Чтобы в аду вы горели. И ты. И Салтыков. Ненавижу обоих!

Чувствую себя ребенком. Дали шоколадку, уговорили, и я поверила словам посторонних людей.

Как я могла не додуматься? Глеб обвел меня вокруг пальца, обманул. Я, тупая идиотка, даже не стала сомневаться в его обвинениях в адрес Эмиля. Потому что все было перед моими глазами. Я видела, как он избивал мужчин, но откуда я могла знать, что не он стал причиной смерти одного из них.

Одно знаю точно: поговори я с Эмилем тогда... Узнала бы всю правду и не пошла бы на поводу у Салтыкова. Мы не потеряли бы восемь драгоценных лет, я не скрыла бы от Бестужева дочь.

Но все случилось иначе. Я облажалась.

В груди неприятно колет от слов Эмиля. Но что бы он там

ни говорил, я умом понимаю, что он специально меня провоцирует, чтобы я продолжила свою речь. Но я и без того наговорила слишком много лишнего. На эмоциях! Хотя и обещала молчать.

Пусть сам все узнает. Пусть мучается, сам бежит за мной, признает свою ошибку.

Я не продажная.

С Глебом не спала никогда в жизни. Мне противно от него. А еще больше от самой себя, что в прошлом поверила ему и угробила наше с Эмилем счастье.

Хотя... Не буду так жестока к самой себе. Не только я виновата в случившемся много лет назад. Возможно, я была глупой, двадцатидвухлетней девчонкой. Но Бестужев, взрослый мужчина, тоже поступил как ребенок. Слишком много мы ошибок наделали и все еще продолжаем в том же духе...

– С тобой мне разговаривать не о чем. И да, я даже не стану тебя убеждать в чем-либо. Думай обо мне что хочешь. Еще одно вбей в голову: сексом я могу заняться с кем угодно. От тебя мне нужна всего лишь работа. Если я тут лишняя, просто выгони, и все. Мужчину я себе найду при любом раскладе. Неоднократно Глеба спящим оставляла и сбегала из дома. Так что... Я как бы привыкла. И ты обязательно найдешь, с кем лечь сегодня в кровать, босс.

Я смотрю в упор в синие глаза. Не моргаю. Даже не дышу. Но нервно сглатываю ком в горле, когда Эмиль сильно сжимает мое бедро, впивается в кожу пальцами до боли.

Я опускаюсь на ноги, но отойти не получается. Эмиль встает и цепляется за мой локоть железной хваткой. Губы поджаты, грудь вздымается.

– Всегда ненавидел, когда ты несла чушь, чтобы подколоть меня. Ведь знала, как я ненавижу такое поведение. И сейчас... Сбегала от мужа, говоришь? – горькая усмешка трогает его губы. – И к кому же ты бежала, Арина?

– Это совершенно не твое дело, Бестужев! С кем я сплю, с кем встречаюсь – тебя волновать не должно. Ты всего лишь мой босс, не больше. И это тоже под знаком вопроса, потому что после сегодняшнего разговора я просто уйду. Напишу заявление, и все. Чтобы не бесить тебя своим тупым поведением и колкими словами. Доволен? Отпусти меня! Даже о Диларе разговаривать теперь смысла нет. Потому что твоей помощи я больше не хочу!

– Арина! Не наглей. Не перегибай!

– Ты прав, – вздыхаю. – Мне лучше уйти. Иначе действительно натворим непоправимое. Отпусти.

Бестужев отпускает, но я вижу, как он не хочет, чтобы я ушла. Не так я представляла себе наш разговор, но что есть, то есть. Ничего не поделать.

Покидаю компанию злая. Бесит все, даже своя речь. Я, кажется, действительно перегнула палку. Наговорила то, чего нет на самом деле. Если увижу Глеба, то просто врежу ему что есть силы.

И он не заставляет себя долго ждать. Едва я сажусь в ма-

шину, как он открывает дверь и располагается рядом. Смотрит так, будто мы близкие друзья. Или же все еще муж и жена. Только такие счастливые...

– Какого черта? – рычу.

– Надо поговорить, – отрезает как ни в чем не бывало.

– Поговорить? – повышаю я голос настолько сильно, что мой все еще муж морщится. – Да я тебя прикончу, придурок! И без того злая, так еще и ты, будь неладен, не «делай» мне мозги. На развод я уже подала, только посмей тянуть кота за хвост! Клянусь, иначе для тебя еще хуже будет!

– Я с тобой не разведусь, – безапелляционно заявляет Глеб. – Делай что хочешь, но развода ты от меня не получишь.

Боже... Как же орать хочется! Жаль, что под рукой ничего тяжелого нет, чтобы вмазать этому сукину сыну. Клянусь, даже глазом не моргну как в прошлый раз, когда он ко мне приставал.

– Слушай меня внимательно, Глеб, – сжимаю я крепко руль, смотрю перед собой отсутствующим взглядом. Цежу сквозь стиснутые зубы: – Несколько лет назад ты мне сказал, что алкоголик умер из-за того, что Эмиль его избил. Ты меня бессовестно обманул, зная, что ради Бестужева я пойду на любой шаг. Ты нам жизнь испоганил. Поверь, я все еще не начала... Я все еще не нашла времени расправиться с тобой раз и навсегда. Ты будешь гнить за решеткой, я тебе обещаю. Осталось совсем чуть-чуть. И пока я добрая, лучше прова-

ливай отсюда! Мне срочно нужно ехать! Не до тебя сейчас! – последнее опять же кричу.

– Вот оно как. Значит, он тебе уже все рассказал, – хмыкает, хватая меня за руку, и дергает на себя. – И о том, что Эмилия его дочь, он уже знает?

– Ну а как же. Я достаточно долго скрывала от него правду. Пора теперь плюнуть на прошлое и начать все с чистого листа. У тебя не получилось, Глеб. Смирись. Ты проиграл. А теперь выходи из машины. Я больше повторять не стану.

Краем глаза замечаю полицейскую машину в метрах десяти от своей. Но не успеваю я ничего сделать, как Салтыков цепляется за мое горло и крепко его сжимает. Одним действием вышибает весь кислород из легких. Дышать почти невозможно.

Я наугад бью по рулю, стараюсь именно посередине, чтобы привлечь к себе внимание сигналом. Боковое стекло опущено. Машу рукой, дав тем самым понять, чтобы помогли.

– Мен...ты... – выдавливаю из себя. Глеб не сразу понимает. Но когда полицейская тачка тормозит напротив моей, быстро отпускает мою шею. – Придурок! Сукин сын! – откашливаюсь.

– С вами все в порядке? – спрашивает мент, едва я покидаю салон, из которого выхожу, чуть ли не выползая.

– Да, – прижимаю руку к горлу. – Еще немного, и он придушил бы меня. Вышвырните его, пожалуйста, из моей машины. Мне за дочерью в школу ехать надо, а он...

– Я твой муж вообще-то! – рывкает Салтыков. – А ты к чужим мужикам в кровать лезешь. Что я должен сделать? По голове тебя погладить?

– Так разводись, сукин ты сын гребаный! Я тебя рядом с собой насильно не держу! Раз я такая продажная, какого хрена не отпускаешь, а руки вместо этого распускаешь? Да потому что врешь! Всю жизнь мне сломал! Чтоб ты сдох!

Я сажусь за руль под пристальным взглядом ментов и прохожих и еду за дочерью.

Что за день такой, Господи?! Одно знаю точно: от Салтыкова надо избавиться раз и навсегда. Иначе он однажды меня действительно убьет, а я даже опомниться не успею. Маньяк настоящий. Совсем сдурел.

Глава 12

Буквально через час я выруливаю на трассу, и мы направляемся в сторону дома, где живет Дилара. Надеюсь, она не ноет в подушку, и лицо у нее в нормальном состоянии. Убивать себя ради кого-то совсем не выход. Знаю по себе. Поэтому нужно потихоньку как-то смириться и погасить внутри ту ненависть, которая вспыхивает, словно огонь, при первом же воспоминании о мужчине, сломавшем твои мечты.

Да, всю ту дорогу я прошла. Именно из-за этого я прекрасно знаю, что сейчас чувствует подруга. А самое стремное, что поддержать я ее тупо не могу. Никакие слова не успокаивают.

Помню, как она пыталась достучаться до меня, что у меня вся жизнь впереди, а сейчас я вынуждена повторять ей то же самое, чего совсем не хочется.

– Мамуль, – зовет меня дочь. – Сегодня столько всего надо сделать... Очень много уроков. Поможешь или у тебя дела? Если не...

– Конечно, помогу, – перебиваю, улыбаясь, поворачиваясь к Эмили. – Никакое дело не важнее тебя, родная.

Устремляя взгляд на дорогу, я вспоминаю слова Эмилия и мысленно проклиная себя, что когда-то поверила Салтыкову. И, можно сказать, собственными руками все разрушила.

Дилары дома не оказывается. И на звонки не отвечает, от-

чего я начинаю переживать. Волнение переходит в панику. Я не знаю, к кому обратиться за помощью.

Благо, дочь рядом и успокаивает меня. Ее слова о том, что тетя Дили взрослая и очень умная, действительно дают мне пинок, и я перестаю названивать ей. Я и сама понимаю, что Дилара не наделает глупостей.

Но что-то внутри не спокойно. А вдруг...

Уже хочу спуститься вниз, как подруга выходит из лифта. В спортивной одежде, наушники, волосы распущены. Но выглядит на самом деле так себе. Лицо опухло, глаза красные.

– Тетя Дилара! Мы тебя ждали! – говорит Эмилия.

– Извини, принцесса, – вяло отвечает подруга, открывая дверь.

Она рассказывает все, что ей сказал Камиль, который оказался мерзавцем. Удивилась ли я? Нет, совсем нет. Я перестала реагировать на такие сюрпризы судьбы. Никогда не угадаешь, что тебя ждет завтра, а что случится через неделю.

Но я кожей чувствую ту боль, что испытывает сейчас Дилара. И искренне ей сочувствую.

Мы готовим ужин. Отвлекается не только подруга, но и я сама. Разговор с Эмилем добил меня. Выбил из колеи. До сих пор не верю его словам...

Закончив с уроками, дочь идет спать. А мы еще некоторое время болтаем на кухне, пытаемся поддержать друг друга в самые сложные времена в нашей жизни. Конечно же, никакие слова не успокаивают. Раны не заживают, но хотя бы чу-

точку человек успокаивается, когда рядом есть тот, кто делит с тобой твои проблемы.

Дилара вздрагивает, услышав дверной звонок. Пожимаю ее руку и сама иду открывать. И сразу же догадываюсь, что будет спустя минуту, потому что вижу лицо брата Дилары. Он злой как черт. И да, причина тоже ясна. Успели ему на мозги накапать.

Я оставляю брата с сестрой наедине. Но внимательно прислушиваюсь, что Гордей скажет Диларе. И, честно говоря, я моментально же вспоминаю своего отца. Когда-то он точно так же обвинял меня, орал, что я плохая дочь. Что из-за меня у него сплошные проблемы. Сейчас брат Дилары наступает на те же грабли.

Слушать, как он оскорбляет подругу, толком ничего не зная, у меня не получается. Поэтому я иду к ним и напоминаю, что в квартире спит ребенок. Даже удастся выгнать Гордея. Сама же следую за ним.

– Знаешь, есть родственники, которые всегда! Абсолютно всегда поддерживают своих, несмотря на ситуацию! Несмотря на то, в каком положении оказался их родной человек. А ты разорался тут! Диларе больно! Ее и без того предали! Она не знала, что тот придурок женат. Ты еще и добиваешь! А сесть и поговорить по-человечески впадлу?!

– Да ты меня представь! Я буквально в грязь лицом упал! Перед коллегами опозорился, потому что мне показали, какая моя сестренка умница! – буквально один взмах, и оче-

редную пощечину Гордей получает от меня.

Мы давно знакомы, и отношения у нас пусть не самые близкие, но и не такие уж плохие. Я этого парня прекрасно знаю. Он только орать умеет, никогда руку не поднимет.

– Арина?!

– Это чтобы ты за ум взялся. Как раз тогда надо было встать на сторону Дилары, когда тебе что-то доказывали перед коллегами, и уволиться! А ты... Ты просто подтвердил их слова! Трус!

– Да где я потом такую работу найду?!

– Гордей, хороших работников ищут всегда и везде. Завтра же плюнь им в лицо и уволься. Обещаю, с работой я тебе помогу.

– Ты?! Каким таким образом? Вроде бы твой муж обанкротился...

– Да при чем тут муж? Ты сейчас получишь от меня еще одну пощечину. Гораздо сильнее. Делай, как тебе говорю. А потом позвони сестре и попроси прощения. А лучше встретиться лицом к лицу. Она ни в чем не виновата. Мой номер знаешь?

Парень недоверчиво пялится на меня.

– Знаю, – кивает.

– Замечательно. А теперь... – замолкаю, увидев машину Эмиля буквально в пяти метрах от себя. Он покидает салон и идет в нашу сторону. – Позвони, поговорим.

Гордей следит за моим взглядом и, кивнув в очередной

раз, уходит.

– Один из тех, с кем ты собралась...

– Лучше заткнись, – перебиваю. – И не носи чушь.

– Арина, меня бесит, когда ты себя так ведешь. Нам нужно просто сесть и поговорить, но ты...

– А тебе надо просто покопаться в прошлом. Но ты... Вертишь хвостом передо мной и ни хрена не делаешь! – голос сам собой повышается. – Слушай, Эмиль. Я злюсь... Злюсь, как только вижу тебя. Как только слышу твои несправедливые слова в свой адрес. Я начинаю ненавидеть тебя, потому что ты хочешь услышать все от меня, однако я ни черта не буду рассказывать. Потому что ты – мужик! Ты должен... Нет, ты обязан разузнать все, что было в прошлом. А потом избавиться... Отомстить тем, из-за кого мы сейчас смотрим друг на друга как враги.

– А ты никогда не думала, что во всем виновата сама? – усмехается.

– Я тебя знаю как свои пять пальцев, – поднимаю руку, машу ею перед лицом Бестужева. – Если ты считаешь, что, обвинив меня или же спровоцировав, сможешь услышать от меня что-то, зря. И теперь, будь добр, обращай со мной лишь как с коллегой. Все.

– Детский сад, – очередная кривая ухмылка.

– Детский сад, – подтверждаю. – Я – женщина. И я не собираюсь гнаться за тобой. Но знаю, как я для тебя важна. Как нужна! Да, ты мне тоже небезразличен. Но если ты не сдела-

ешь шаг вперед, Эмиль. Если ты не найдешь тех, кто устроил для нас ловушку восемь лет назад, в которую мы с легкостью попались, и не накажешь их, то нам не быть вместе!

Разворачиваюсь и делаю шаг вперед, но Эмиль останавливает меня, схватив за запястье.

– Арина, – чуть ли не рычит. – Я все разужнаю. Абсолютно все. И тогда...

– Вот и замечательно, – перебиваю вновь. Не знаю почему, но я поднимаюсь на носочки и прижимаюсь ртом к его. Провожу языком по его губам. – Вот так провоцируют, Бестужев. А не как это делаешь ты – просто бьешь словами. Спокойной ночи.

– Передай Диларе, – достает из кармана бумаги, протягивает мне. – А ты... Завтра получишь от меня хорошую порцию...

– Возбуждения? – хитро улыбаюсь, хоть внутри и разрастается обида. – Шеф, а он встал, – киваю на брюки Эмиля. – Я так быстро не реагирую, как бы ты там ни старался, – шепнув, бегу в сторону подъезда.

Ни черта он завтра со мной не сделает. Я не позволю. А вернее... Не позволю до тех пор, пока Глеб не окажется за решеткой.

Глава 13

Долго пялюсь в одну точку. Шутки шутками, а поговорить наконец с Эмилем надо. Желательно так, чтобы после того самого разговора он не начал на меня орать. Хотя... Пусть орет сколько влезет. Был бы мужиком, все разузнал бы вовремя. Еще много лет назад.

У каждого свои ошибки... У меня их тоже немало. Если бы я тогда не поверила Глебу... Если бы я все доложила Эмилю... Если бы Бестужев выслушал меня... Все могло бы быть иначе. Слишком много «если», которые начинают грызть мои внутренности без остановки.

Пусть я подкалываю Эмиля всевозможными способами, но внутри так грустно... Так больно.

Смотрю на него и понимаю, что все могло бы быть настолько хорошо... И опять же все эти «если».

– Можно? – постучав в дверь, в кабинет заходит Бестужев с двумя стаканами кофе в руках. – Надеюсь, не отвлекаю.

– Ну ты уже зашел, – недовольно тяну я, откидываясь на спинку кресла. Наблюдаю, как Эмиль ставит один стакан передо мной, сам же садится напротив.

Наша история вообще не похожа на любовные романы, которые я когда-либо читала. Обычно властные боссы командуют, ставят на колени... Творят с женщинами все, что душа их пожелает. Но мой шеф совсем другой. Иногда я счи-

таю себя здесь главной, а Эмиль всего лишь мой работник. Он таким душкой может быть...

Сводит меня с ума...

Но и злит одновременно...

Окончательно выводит из себя.

Хоть тоже может командовать. Сказать, что не хочет меня видеть. Работать уж тем более... Но он терпелив. Он что-то задумал, но что именно, до меня все еще не доходит.

– Снова без настроения? – прищуривается.

– Снова, – киваю. – Мне нужно уходить, Эмиль, – кошусь на наручные часы. Надо забрать дочку из школы. – Если ты ненадолго, то я тебя слушаю.

– Есть важный разговор. Но если ты спешишь, – проговаривает с нотками злости. – То обсудим все потом.

– Ну как хочешь. Кофе выпью, а потом уйду.

Но Эмиль все еще сидит напротив. Изучает мое лицо. Вижу по его глазам, что хочет что-то сказать, но...

– Спрашивай, – склонив голову набок, я киваю.

– Ты же спешишь. А я не хочу коротко, – усмехается, делая глоток кофе. – Подала на развод.

Эмиль не спрашивает, он уже в курсе.

– Конечно, подала. А чего мне тянуть?

– Но Салтыков не подписывает. Почему?

– Потому что он хочет пинок под зад. И этот пинок он должен получить от тебя, ибо он болт забил на меня. Поможешь?

– Арин, если тебе нужна помощь, почему сама не просишь меня об этом? Это так сложно? Вроде бы я никогда в жизни тебе ни в чем не отказывал. Всегда хотел как лучше...

– Как лучше? Эмиль, ты хоть прокручиваешь в голове, что сейчас говоришь? Нет, ты не хотел как лучше. Хотел бы – сделал. Но тебе было легче плюнуть на все и сбежать. Не ковыряться в проблемах, не узнавать, почему я так быстро поменяла свое мнение. И ты должен был понимать, что деньги тут вообще ни при чем. Они меня никогда не интересовали. Как и сейчас. Нам на жизнь хватает, поверь.

– Вам? – хмуро так, задумчиво.

– Нам. А теперь мне пора, Эмиль, – встаю, забираю сумку с телефоном и ключи от автомобиля. – Будь добр, пригрози Глебу, чтобы он не выпендривался. Ибо рано или поздно мы разведемся через суд. Не надо мне нервы трепать, что он делает уже восемь гребаных лет.

– Я тоже выхожу. Может, подвезти?

Мне кажется или он проигнорировал мои слова?

– Нет, спасибо. Я на своей тачке. До встречи.

Уже через полчаса я жду дочь у школы. Появляется она сразу, еще издали, увидев меня, машет рукой и идет в мою сторону, счастливо улыбаясь. Такая девочка у меня хорошая. Бывают же дети, которые не очень-то ждут своих родителей. А наоборот, хотят еще немного с друзьями развлечься, пока мать или отец не пришли. Моя же всегда рада меня видеть. Чем делает меня самой счастливой женщиной на свете.

Наверное, я бы сошла с ума, оставшись одна со своими проблемами. И с Глебом. Если я все еще твердо стою на ногах, то это только и только благодаря Эмили.

– Мамуль! – обнимает. – Я так рада тебя видеть!

Дочь замирает, всматриваясь куда-то за мою спину. Я оборачиваюсь и вижу своего все еще мужа. Кровь в венах буквально закипает, когда я встречаюсь с ним взглядом. Хочется расцарапать его самодовольную рожу. В хлам превратить.

– Не рада меня видеть, малявка? – спрашивает он у Эмили. Она что-то бормочет сквозь зубы, а потом выговаривает громче:

– Кто ты такой, что я была рада тебя видеть? Никто! – ментально отвечает на свой же вопрос, крепче сжимая мою руку.

– Прямо в мать. Слишком длинные у вас языки, – недовольно бурчит он, оглядывается. – Я так и знал, что твой папаша, несмотря на то, что уже месяц в городе, так и не пришел тебя увидеть.

Боже... Что он говорит? Почему так бьет ребенка словами? Какой же сукин сын! Какой же кретин этот Салтыков! С каждым днем я все больше и больше ненавижу его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.